

И я,
как весну человечества,
рожденную
в трудах и в бою,
пою
мое отечество,
республику мою!

(В. Маяковский)

НА СВОБОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Фото Н. Кулешова и Д. Чернова.

В Белостоке открылась Государственная музыкальная школа. На снимке — ученик школы, сын прачки, Костя Дробат.

Текстильщики Белостока решили догнать по производительности труда ивановских текстильщиков. На снимке: молодые ткачи-двухстаночники комбината № 1. Слева направо: Я. Ш. Лифшиц, С. Б. Медрес, М. Ф. Миллер и И. Д. Левин, дающие высокую производительность труда.

По-новому строят свою жизнь освобожденные от панского ига народы западных областей Украины и Белоруссии.

В городах бывшей панской Польши, на предприятиях трудящиеся впервые почувствовали себя хозяевами на своем производстве. Помещичьи поля обрабатывают свободные труженики — граждане Советского Союза. Двери школ и высших учебных заведений открыты для всех желающих получить знания. Все это дала нашим освобожденным братьям советская власть.

24 марта в западных областях Украины и Белоруссии происходили выборы в Верховные Советы СССР, УССР и БССР. Полноправные граждане Советской страны послали в Советы своих лучших сынов, которые будут бороться вместе со всей страной за счастливую жизнь своей родины.

Крестьяне Дрогобычской области на курорте Трусковцы. Слева направо: А. И. Горданяк, Н. И. Ганущак, Н. А. Герилов, А. Н. Хомчак, Н. Т. Коваль.

Лучшие производственники Львовского паровозо-вагоноремонтного завода, премированные заводоуправлением (слева направо): мастер выдвиженец Т. И. Беднарчук, разметчик Ю. М. Качмарчик, бандажник А. В. Синишин и прессовщик И. Л. Адамчак.

Занятия балетного кружка во Дворце пионеров г. Тарнополя.

На последней странице обложки — Пионерка Леля Голычева читает „Стихи о советском паспорте" В. В. Маяковского на районном смотре детской художественной самодеятельности в Бауманском детском Доме культуры. Фото В. Минкевича.

18-й год издания

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 9
(696)
30 марта
1940 года

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

В. В. Маяковский.

Эскиз портрета художника Б. Шатилова.

И. Шаморикое

ВЕЛИКИЙ ПАТРИОТ, НОВАТОР

«Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи» (Сталин).

Маяковский—родоначальник социалистической поэзии, народный поэт, величайший новатор, блестящий пропагандист идей коммунизма.

Все свое творчество, всю свою жизнь, всего себя Маяковский посвятил революции. Его детство и юность прошли в революционной обстановке. В Кутаиси он рано познакомился с работой и поэзией революционного большевистского подполья, читал марксистскую литературу. Впоследствии он писал в автобиографии:

«Приехала сестра из Москвы... Тайком дала мне длинные бумажки. Нравилось: очень рискованно. Помню и сейчас. Первая:

Опомнись, товарищ, опомнись-ка, брат,
скорей брось винтовку на землю.

...Это была революция. Это было стихами. Стихи и революция как-то объединились в голове».

В 1908 году в Москве Маяковский вступил в РСДРП (большевиков). Был пропагандистом. Ходил к булочникам, сапожникам, типографским рабочим. Однажды нарвался на засаду. Арестовали. Обвинили в писании прокламаций. Но удалось следователя провести. Выпустили на поруки. Однако через год вновь был арестован. Просидел одиннадцать месяцев. По выходе из тюрьмы решил овладеть искусством слова и с ним пойти в атаку против загнивающего капитализма.

«Я жирных с детства привык ненавидеть»,—писал Маяковский в поэме «Люблю». Ненавистью к буржуазии проникнуто все его творчество. Он показывает страдания человека при капитализме и страшное «логово вельмож и банкиров». В стихотворении «Человек» Маяковский писал о трагедии личности в буржуазном обществе:

«Загнанный в земной загон,
влеку дневное иго я.
А на мозгах
верхом
«Закон»,
на сердце цепь—
«Религия».

Когда началась Октябрьская социалистическая революция, Маяковский не задумывался над тем, с кем идти. В автобиографии он писал:

«Принимать или не принимать? Такого вопроса для меня... не было. Моя революция. Пошел в Смольный. Работал. Все, что приходилось».

А приходилось делать многое: изготовлять «Окна РОСТА», рисовать плакаты, заготовлять подписи, писать листовки, брошюры о войне, классовой борьбе, трудовой дисциплине, о чистоте, государственном займе, о борьбе с обывательщиной, пьянством, религией.

Во время гражданской войны Маяковский, по его подсчетам, сделал три тысячи плакатов и тысяч шесть подписей. 5 марта 1922 года он напечатал в газете «Известия» стихотворение «Прозаседавшиеся».

На другой день, выступая на заседании коммунистической фракции всесоюзного съезда металлистов, В. И. Ленин так упомянул об этом стихотворении Маяковского:

«...давно я не испытывал такого удовольствия, с точки зрения политической и административной. В своем стихотворении он вдрызг высмеивает заседания и издевается над коммунистами, что они все заседают и перезаседают. Не знаю, как насчет поэзии, а насчет политики ручаюсь, что это совершенно правильно».

Эта оценка Ленина была величайшей наградой. Маяковский с этого дня не покидал газету. Работа в газете, в журнале была его творческой потребностью.

Он хорошо знал, что искусство не может быть настоящим, если оно оторвано от жизни. Истинное искусство тем ценнее, долговечнее, чем вернее и глубже отображает наиболее характерные стороны современной действительности, чем ярче запечатлены в нем конфликты и страсти современности.

Маяковский видел в поэзии мощное орудие социалистического строительства. Он отрицал поэзию для поэзии.

«Для нас, мастеров слова России Советов,—говорил он,—маленькие задачки чистого стиходелания отступают перед широкими целями помощи словом строительству коммуны».

Свое место поэта Маяковский видел среди творцов новой жизни:

«Радуюсь я —
это
мой труд
вливается
в труд
моей республики».

Он говорил «о месте поэта в рабочем строю», в авангарде рабочего движения. Он писал, что поэт должен «быть народа водителем и одновременно его слугой».

Он служил своему классу честно и мужественно и сам об этом прямо заявлял в поэме «Владимир Ильич Ленин»:

«Я
всю свою
звонкую силу поэта
тебе отдаю,
атакующий класс».

Он никогда и ни в чем не отделял себя от народа. Жил с ним одной жизнью, боролся вместе с ним в передовых революционных рядах. В поэме о Ленине Маяковский с необычайной силой выразил свою слитность с народом:

«Я счастлив,
что я
этой силы частица,
что общие
даже слезы из глаз.
Сильнее
и чище
нельзя причаститься
великому чувству
по имени—
класс!»

Ни один поэт мира не говорил еще так сильно и убедительно о своем органическом родстве с народом, о радости, которая ощущается при осознании этого родства.

Он смотрел на поэзию как на грозное и мощное оружие. В стихотворении «Домой» он писал:

«Я хочу,
чтоб к штыку
приравняли перо.
С чугуном чтоб
и с выделкой стали
о работе стихов,
от Политбюро,
чтобы делал
доклады Сталин».

Маяковский мечтал о том,

«Чтоб поэт перерос веков сроки,
чтоб поэт
человечеством полководить мог...»

И он сам стремился осуществить идеал нового поэта.

Он избрал для себя огромнейшую аудиторию, все трудовое человечество. А тот, кто пишет для масс, для многомиллионного народа, неизбежно должен выбирать большие социальные темы, идеи, которые волнуют трудящихся, и находить такую форму, которая гармонировала бы с содержанием, отличалась наибольшей ясностью, простотой, наивысшим поэтическим мастерством.

Эти высокие требования привели Маяковского к созданию нового типа поэзии. Узкие рамки буржуазно-дворянской эстетики надо было разрушить, разгромить, уничтожить и на основе новых требований жизни создать новую, социалистическую эстетику. Маяковский утвердил мысль, что подлинный прогресс поэзии не мыслим без новых изобразительных средств. Новые идеи требуют новых форм. И Маяковский заложил прочный фундамент новой поэзии.

В своей речи на приеме работников высшей школы товарищ Сталин провозгласил тост:

«За процветание науки, той науки, люди которой, понимая силу и значение установившихся в науке традиций и умело используя их в интересах науки, все же не хотят быть рабами этих традиций, которая имеет смелость, решимость ломать старые традиции, нормы, установки, когда они становятся устарелыми, когда они превращаются в тормоз для движения вперед, и которая умеет создавать новые традиции, новые нормы, новые установки».

Маяковский принадлежит к таким людям, которые имеют смелость и решимость ломать старое и создавать новое.

Новизна, своеобразие стиха Маяковского вытекают из содержания его творчества. Его стих рос и развивался с ростом и развитием революции.

Маяковский с полным правом говорил о своем стихе:

«Мой стих
трудом
громаду лет прорвет
и явится
весомо,
грубо,
зримо,
как в наши дни
вошел водопровод,
сработанный
еще рабами Рима».

В своем стихе Маяковский добивался идейной насыщенности и эмоциональной напряженности. Для этого он создал новый ритм, подбирал, создавал и расставлял слова так, чтобы каждое из них заменяло целую фразу. Он создал своеобразную поэтическую систему — свободный стих. Сущность этого стиха заключается в том, что он не заковывает мысль в узкие рамки старых поэтик, а дает ей широкий простор.

Маяковский добивался максимального революционного воздействия на читателей. Он перерабатывал груды словесного сырья, чтобы добыть кристалл поэзии:

«Поэзия
та же добыча радия.
В грамм добыча,
в год труды.
Изводишь,
единого слова ради,
тысячи тонн
словесной руды».

Он кропотливо, тщательно шлифовал стихи. Умел находить в «кассе склонений и спряжений» такие суффиксы и флексии, которые лучше всего выражали мысль, которые позволяли ему огромить мир мощью голоса, стать агитатором, пропагандистом идей коммунизма.

Маяковский писал о том, что волнует многомиллионное трудовое человечество, чем живет народ. Он горячим словом трибуна испепелял хищничество, убивал мещанство, очищал нашу советскую землю от всяческой мерзопакости. Он вел смертельный бой со всеми врагами народа.

Его книги — это «страницы-обоймы», в которых находятся «строки пороха и свинца».

Он радовался победам социализма, помогал осуществлять лучшие мечты человечества. Героика развивающегося коммунизма является центральной, основной темой творчества Маяковского, его наиболее зрелого периода. Он создает образ богатыря народа. Поэма «150.000.000» отражает несокрушимую волю рабочего класса, его силу, преодолевающую все невзгоды, голод, разруху, самоотверженно защищающего свою республику.

В своем творчестве Маяковский запечатлел и исполинскую мощь величайших героев человечества, вождей трудового народа. В поэме «Владимир Ильич Ленин» Маяковский первым из советских поэтов создал образ гения мирового пролетариата — Ленина. Задача грандиозная. На поиски изобразительных средств он мобилизовал все свои силы. Поэт сознавал важность поставленной им задачи. Он думал: «Как бедна у мира слова мастерская! Подходящее откуда взять?» Он писал:

«Голос выскребу —
будет резок,
чтобы от рифмы
не мяк, а креп,
чтобы просто
правду резал,
как режешь
ножом хлеб».

Поэма «Хорошо!» — это торжествующий гимн нашей стране, стране молодости, радости и творчества. Чуть не весь земной шар обошел Маяковский и убедился, что лучше, чудесней нашей родины нет:

«Жизнь прекрасна
и
удивительна.

Барельеф работы скульптора О. Квинихидзе.

Лет до ста
расти
нам
без старости.
Год от года
расти
нашей бодрости.
Славьте,
молот
и стих,
землю молодости».

Горячо любя социалистическую родину, Маяковский работал для нее, защищал ее. Идея защиты родины занимает одно из главных мест в творчестве великого поэта. Он первым из советских поэтов поднял тему о родине. Еще во время гражданской войны он поставил на службу защиты родины самые разнообразные виды искусства. Маяковский — поэт широчайшего творческого диапазона — был оратором, актером, режиссером-постановщиком. Работал и в области живописи и рисунка. Писал поэмы, песни, пьесы, частушки и многое другое. Все это он делал для народа, для родины.

Он громил контрреволюционную нечисть, подлых, презренных врагов революции и предостерегал:

«Товарищи,
помните:
между нами
орудует
классовый враг».

Он не забывал, что СССР находится в капиталистическом окружении, что враг не дремлет, что предстоят еще жестокие бои:

«Раскрыл я
с тихим шорохом
глаза страниц...
И потянуло
порохом
от всех границ».

К безграничной любви, к беззаветной преданности и нерушимой верности родине призывал Маяковский:

«Будущий
рядовой
в заграничной роте,
идешь ли с пехотой,
в танках ли ящеришься,
помни:
тебе
роднее родин
первая
наша
республика трудящихся!»

Самое прекрасное и самое чудесное, что делается на свете, это делается нами, советскими людьми:

«Нами
через пропасть
прямо к коммунизму
перекинут мост,
длиною —
во сто лет».

Безмерно дорога была ему наша социалистическая республика за то, что в ней

«...из-за заводов гудящих,
сияя горизонтом
во весь свод,
встала
завтрашняя
коммуна трудящихся —
без буржуев,
без пролетариев,
без рабов и господ».

И на весь мир прогремел голос пламенного советского патриота:

«Читайте,
завидуйте,
я —
гражданин
Советского Союза».

Профессор Л. Тимофеев

ГОРЬКИЙ и МАЯКОВСКИЙ

Горький и Маяковский — две вершины советской литературы.

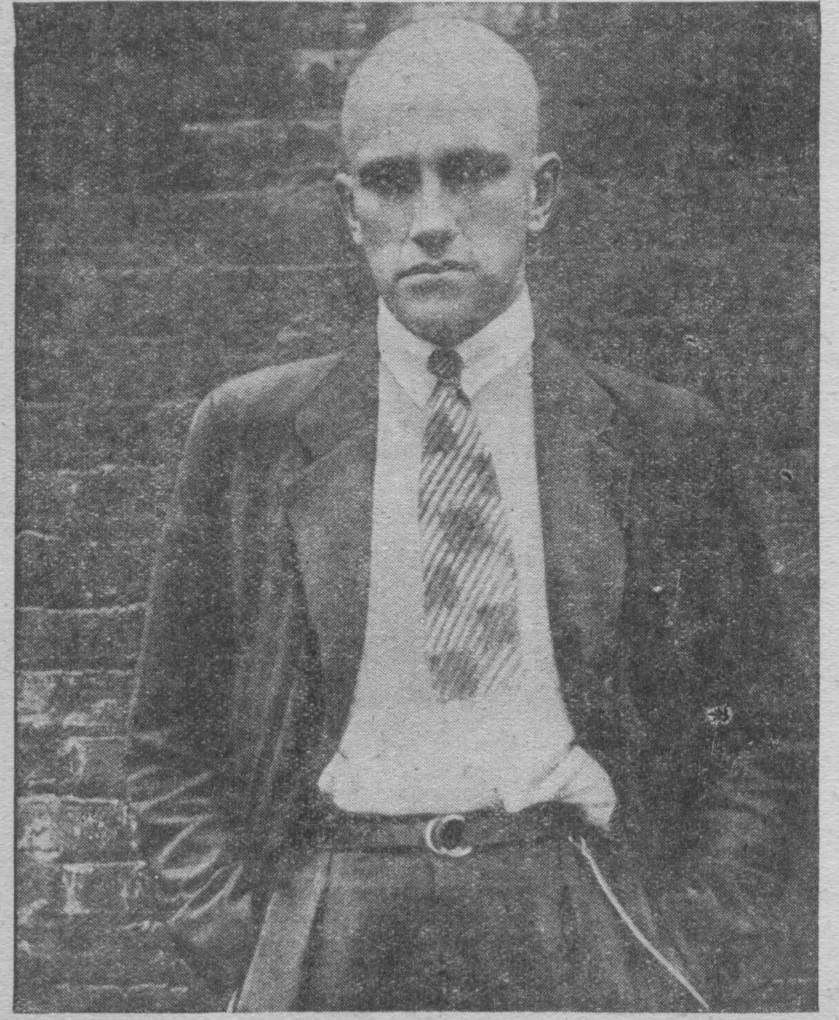
Различным путем шли эти два писателя, в различных областях литературы работали. Внешне их творчество совершенно несходно, но в то же время при всем их различии мы чувствуем их глубочайшую близость, их единство в чем-то основном, решающем. Краткое лирическое стихотворение и эпическое повествование со сложной системой событий и характеров настолько отличны друг от друга, что между ними как будто невозможно проводить те или иные параллели.

А между тем и в творчестве Горького и в творчестве Маяковского перед нами один и тот же метод социалистического реализма, одни и те же основные творческие задачи, которые они перед собой ставили.

Уловить это общее в творчестве Горького и Маяковского особенно важно еще и потому, что правильный ответ на этот вопрос позволит более глубоко осмыслить раннее творчество Маяковского, которого обычно представляют до Октября поэтом-одиночкой. Принято соотносить Маяковского с поэтами-символистами, для того чтобы показать, в какой мере непохож был Маяковский на окружавших его поэтов. Но если очень легко убедиться в том, что творчество Маяковского непохоже на окружавшие его поэтические школы, то, естественно, встает вопрос о том, с кем же можно соотнести Маяковского в период его вступления в литературу. Всякий большой художник является выразителем не только чисто личных устремлений: он улавливает и выражает определенные общественные настроения, а это необходимо сближает его с другими писателями, связанными с теми же настроениями. Маяковский не мог быть одиночкой именно потому, что с первых же лет его поэтической деятельности в его произведениях звучит настолько резкий и глубокий протест против буржуазного общества, настолько остро чувствует он, как страдает человек в этом обществе, что мы не можем не видеть в этом отражение настроений народных масс.

Чтобы понять творчество Маяковского, нам нужно поставить вопрос не только о его поэтическом окружении: надо подойти к нему в свете тех образов и тех идей, которые были характерны для литературного процесса в начале XX века.

Попытаемся сжато обрисовать его основные черты, то, что отличало его от литературного процесса XIX века.

В. В. Маяковский в 1925 году.

Литература XX века должна была ответить на вопрос, который не стоял перед литературой XIX века. Писатель в своем творчестве исходит из того материала, который дает ему действительность. В XIX веке писатель, критикуя не удовлетворявший его порядок жизни, не имел перед собой в самой действительности материала, который он мог бы противопоставить этому порядку как нечто его полностью исключавшее, так как в самой жизни не было силы, способной построить новый общественный порядок. «Нельзя и обвинять нас, стариков,— писал Гончаров,— что мы изображаем только старую жизнь, как печатно упрекали меня. Новая жизнь и новые люди не вылупились еще из яйца» («Русские писатели о литературе». Т. I, стр. 379. Л. 1939).

Но к началу XX века положение изменилось вкорне: на сцену выступил рабочий класс, началась борьба за социализм. В жизни возникло то новое, что требовало уже не критики, не отрицания, а утверждения, создания положительных, а не отрицательных образов.

Если критический реализм XIX века разработал свой творческий, так сказать, арсенал прежде всего в плане критики существующих общественных отношений, то теперь нужно было этот арсенал расширить. Эпоха ставила перед литературой конца XIX и начала XX века вопрос о коренной творческой перестройке. Нужно было критику действительности вести так, чтобы вместе с этой критикой создавать и положительные образы новых людей, нужно было вести эту критику так, чтобы из нее вытекало утверждение о необходимости замены старого существующего порядка новым.

Многие из писателей, испуганные ростом общественных противоречий, обострением классовой борьбы, все более реальными угрозами, возникавшими перед буржуазией и дворянством, отшатнулись от реализма, перешли на последовательные антиреалистические позиции (символизм). Часть писателей осталась на старых позициях критического реализма. Но теперь эти позиции были недостаточны для того, чтобы писатель был в состоянии дать действительно глубокое отражение жизни.

Критика действительности могла быть полной лишь в том случае, если она велась с точки зрения, включавшей в себя представление о новой силе, вошедшей в жизнь, — о социализме. Без этого она оставалась половинчатой и поверхностной. Писатель критиковал лишь частности жизни, а не ее основу. Именно это и происходило, например, с такими одаренными писателями, как Куприн или Л. Андреев. Поэтому так легко писатели, оставшиеся на позициях критического реализма, переходили в лагерь реакции, как Бунин, Шмелев, Зайцев.

Эту задачу углубления художественного метода, позволявшего ему стать вровень с противоречиями эпохи, выполнил величайший художник XX века Максим Горький.

Каковы же те новые образы, которые он на основе этого метода вводил в литературу?

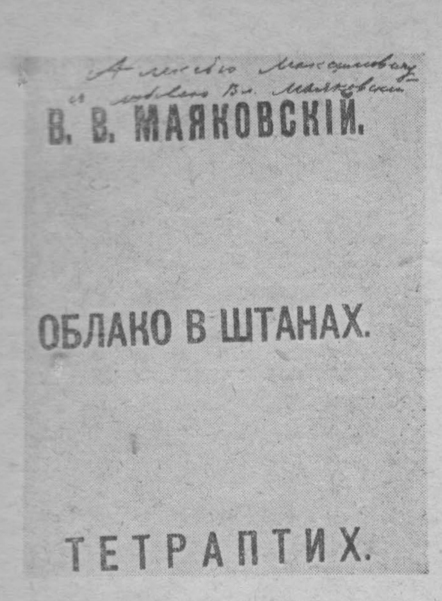
Это был прежде всего образ страдающего человека, жертвы капиталистического общества («Скуки ради», «Трое», «Страсти-Мордасти» и др.). И ранее, конечно, этот образ был в литературе, но у Горького он приобретал иное содержание. Он вызывал уже не только сожаление и сочувствие: он приводил к убеждению в необходимости разрушения общества, которое неизбежно обрекает людей на страдания. Поэтому-то наряду с образами страдающих людей Горький создавал образ человека такого, каким он мог быть, если бы он не подвергался общественному гнету, — человека свободного и гордого. И, наконец, третий, основной образ в творчестве Горького — это образ человека-борца, человека, который вступает в борьбу с обществом для того, чтобы человека страдающего сделать человеком счастливым («Враги», «Мать», «Лето» и др.). В образе Павла Власова и его матери, в образах рабочих из пьесы «Враги» и в других, им подобных, Горький с особенной силой утверждал образ человека-борца, революционера, создателя новой жизни, — той, которая при Гончарове еще «не вылупилась из яйца». Образы, созданные Горьким, вбирали в себя основные противоречия эпохи. В направлении, указанном Горьким, и развивалось творчество тех писателей XX века, которые сумели уловить революционные настроения народных масс (творчество Серафимовича и др.).

Но развитие нового художественного метода происходило первоначально в области прозы. Поэзия в начале XX века еще не была затронута этой творческой перестройкой. Сначала в ней появился символизм, позднее — футуризм, который не подымался выше протеста против буржуазного строя, в нем не было нового, положительного содержания.

С приходом Маяковского новые идеи и образы, которые в прозе уже нашли свое воплощение, вошли и в поэзию. Значение его творчества в том прежде всего и состояло, что в нем принципы социалистического реализма нашли свое осуществление в поэзии.

Это не было, конечно, «повторением» того, что было сделано в прозе; это было разрешением в новой области однородной творческой задачи, которое подсказывалось общим ходом развития революционного движения в России.

То, что было уже сделано в области эпического повествования, Маяковский совершил в области лирики. Эпос, то есть изображение событий и характеров, и лирика, то есть изображение человеческих переживаний, — два основных и необходимых, дополняющих друг друга пути художественного отражения жизни. Человек проявляет себя в жизни не только в поступках, не только в ощутимых внешне формах деятельности. Его отношение к жиз-

Обложка поэмы «Облако в штанах» с надписью А. М. Горькому.

ни сказывается и в разнообразнейших мыслях и чувствах, которые внешне, может быть, ни в чем и не проявились, которые не перешли в какие-либо действия, но без знания которых мы не можем сказать, что мы полностью изучили этого человека.

В лирике и изображается этот внутренний мир человека; рисуя его, лирик показывает, как воздействует на человека окружающая его действительность; он помогает нам осознать ее, показав, какие чувства и мысли, какие переживания вызывает она у человека.

В творчестве Маяковского мы и находим лирическое отражение действительности, опять-таки поднятое на уровень решающих противоречий эпохи. Рисуя внутренний мир человека, Маяковский показывает этот мир не узко и ограниченно, не в плане узко личных человеческих переживаний: он показывает внутренний мир человека, потрясенного основными социальными противоречиями, откликающегося на решающие вопросы современности.

В эпосе противоречия показывались на примере характерных событий, конфликтов, столкновений, законченных и определенных человеческих переживаний. В лирических стихотворениях Маяковского эти противоречия показывались на примере тех *переживаний*, которые они вызывают у человека, потрясенного картиной человеческих страданий и воодушевленного идеями о создании новой, справедливой и счастливой человеческой жизни. В этом и заключается основной пафос творчества Маяковского и прежде всего его новаторство. Он вводил в лирику совершенно новые переживания, а для выражения их ему необходимы были новые слова, ритм, синтаксис — все то, что необходимо было для создания новой стихотворной формы, отвечавшей новому содержанию его творчества.

Поэтому-то Горький с первых же лет поэтической деятельности Маяковского стал с таким вниманием следить за ним, подчеркивая резкое отличие Маяковского от футуристов, с которыми он был связан: «Собственно говоря, никакого футуризма нет, а есть только Вл. Маяковский. Поэт. Большой поэт» («Правда» от 20 февраля 1940 года).

О первых же выступлениях Маяковского Горький говорил: «Он молод, ему всего лишь 20 лет... Он будет писать хорошие, настоящие стихи» («Журнал журналов» № 1 за 1915 год). Горький привлекает Маяковского к сотрудничеству в своем журнале «Летопись», выпускает его сборник стихов в своем издательстве «Парус», печатает его поэму «Война и Мир». Эти внешние факты, говорящие о том внимании, с которым Горький относился к творчеству Маяковского, весьма поучительны. Они говорят о том, что Горький видел в творчестве Маяковского то содержание, которое было ему близким и родственным, которое он считал нужным и ценным для поэзии.

В чем же выражалась эта творческая близость Горького и Маяковского?

Основной образ лирики Маяковского — это образ поэта, многообразные переживания которого и раскрываются перед читателем в каждом отдельном лирическом стихотворении. В этих переживаниях и отражается мир, окружающий поэта, заставляющий его именно так мыслить и чувствовать.

Образ поэта в творчестве Маяковского — это прежде всего образ человека, потрясенного теми страданиями людей, которые он видит вокруг себя:

«Легло на город громадное
горе
и сотни махоньких горь...».

Это чувство не оставляет Маяковского в течение всей его деятельности до Октября.

Если у Горького эти страдания изображены эпически, то у Маяковского та же огромная общественная тема взята в другом разрезе — лирически, в связи с внутренним миром человека.

И если Горький раскрывает эти страдания человека в трагических событиях, с ним происходящих (смерть Арины в «Скуке ради», гибель Коновалова, «Вывод», мать, продающаяся на глазах у сына, и др.), в трагической интонации их собственной речи, то Маяковский переключает этот трагизм в лирический план, в ту речь, через которую поэт раскрывает свои переживания. Отсюда эта короткая, оборванная, задыхающаяся фраза стиха Маяковского, его необычный синтаксис, его резкий ритм — все это необходимо, все это звучит, как трагический голос поэта, потрясенного страданиями людей:

«За всех расплачу́сь,
за всех распла́чусь...»

Это тема страдающего человека — тема, глубоко роднящая Маяковского с Горьким.

Так же близка к Горькому и другая основная тема Маяковского: мечта о счастливом и свободном человеке:

«...и он
свободный,
ору о ком я,
человек —
придет он,
верьте мне,
верьте!»

Та же вера в человека, та же уверенность в том, что «Человек — это звучит гордо», пронизывает творчество Маяковского; он, как и Горький, видит человека там, где, казалось бы, тот задавлен тяжестью окружающей его жизни:

«Мы,
каторжане города-лепрозория,
где золото и грязь изъязвили
проказу, —
мы чище венецианского лазорья,
морями и солнцами омытого
сразу!

Плевать, что нет
у Гомеров и Овидиев
людей, как мы,
от копоти в оспе.
Я знаю,
солнце померкло б, увидев
наших душ золотые россыпи!»

В. В. Маяковский в 1922 году.

Как и в творчестве Горького, противоречие человека, страдающего в жизни, и мечта о человеке свободном и счастливом разрешаются у Маяковского в теме революции, в страстном призыве к борьбе, к протесту, в острейшем сатирическом разоблачении окружающего его капиталистического мира.

Уверенность Маяковского в том, что

«в терновом венце революций
грядет шестнадцатый год».

была естественным и необходимым завершением его творческого развития до Октября.

Таким образом, при всем индивидуальном своеобразии творчества Маяковского и того пути, которым он шел к революции и как человек и как поэт, мы ясно ощущаем, что в своей основе это творчество было глубоко родственно творчеству Максима Горького — любимого писателя Маяковского.

Круг человеческих переживаний, которые рисовал Маяковский в лирическом характере, составлявшем основу его поэзии, отражал основные противоречия своей эпохи. Маяковский не только критически отражал несовершенство жизни, он подымал эту критику до отрицания общественного строя в целом, до утверждения необходимости его революционного разрушения.

Отсюда вытекал тот путь дальнейшего творческого развития, по которому пошел Маяковский после Октября. Поэтому-то тот художественный метод, который выковывал Маяковский в своем творчестве, явился методом, определившим развитие советской поэзии, методом социалистического реализма.

Подобно тому, как творчество М. Горького стоит у истоков советской, социалистической литературы в целом, творчество Маяковского стоит у истоков советской, социалистической поэзии. В этом их глубочайшая принципиальная близость.

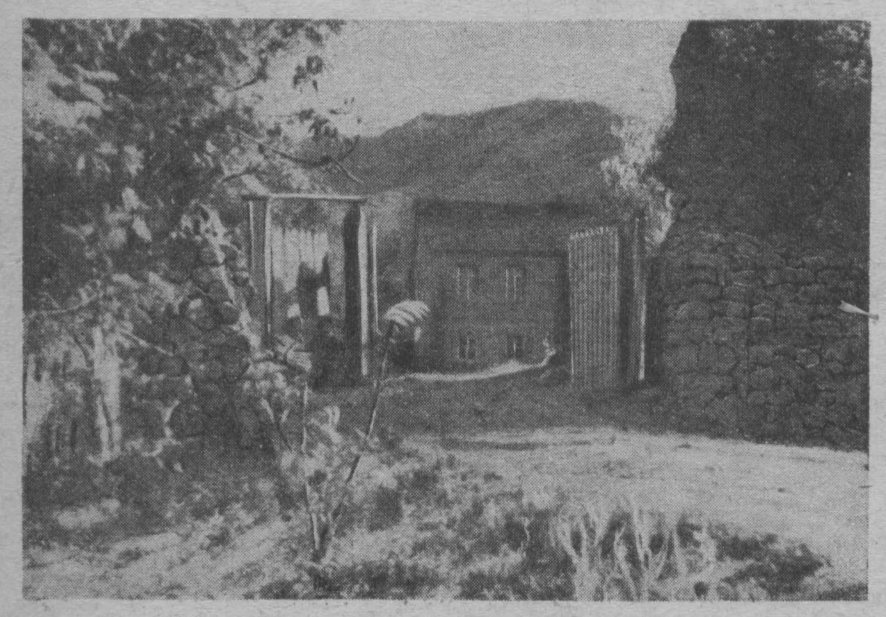
Мы сказали вначале, что Горький и Маяковский — это две вершины советской литературы. Мы скажем теперь, что это вершины, покоящиеся на одной основе. Горький и Маяковский — это Эльбрус нашей литературы. С него и берет свое начало тот широкий творческий поток, который несет миру величайшие идеи и образы социалистической революции, — советская литература.

Людмила Маяковская

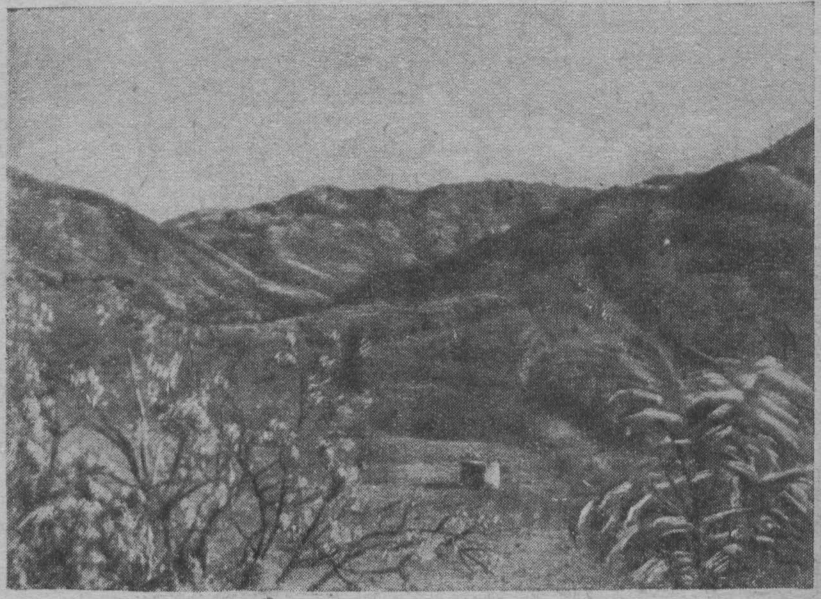
РОДНЫЕ МЕСТА

Багдади—Кутаиси

Через творчество Маяковского часто проходят образы, метафоры, воспоминания, ассоциации, связанные с впечатлениями детства и юности. Я помещаю здесь фотографии мест, к которым непосредственно относятся строки произведений.

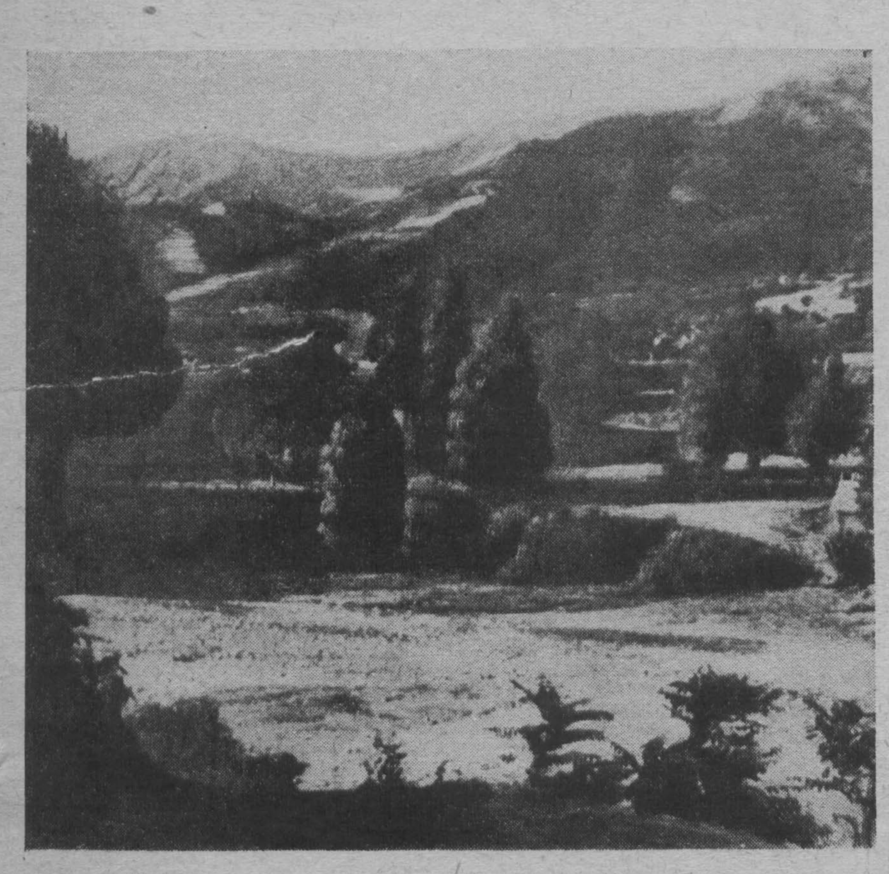

Дом в крепости.

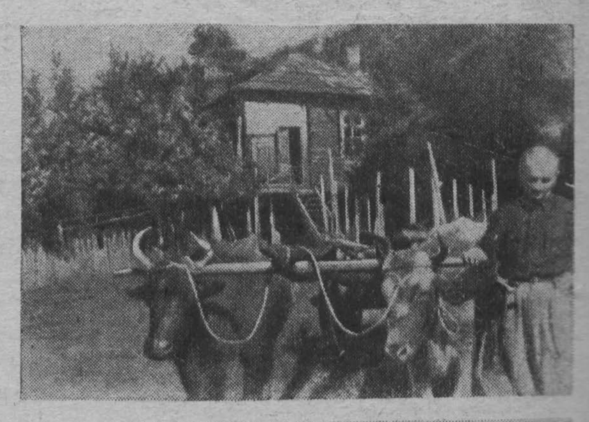
Двор в крепости.

«Первый дом, вспоминаемый отчетливо. Два этажа. Верхний — наш. Нижний — винный заводик. Раз в году — арбы винограда. Давили. Я ел. Они пили. Все это территория стариннейшей грузинской крепости под Багдадами. Крепость очетыреугольнивается крепостным валом. В углах валов — накаты для пушек. В валах бойницы».

«За валами рвы. За рвами леса и шакалы. Над лесами горы. Подрос. Бегал на самую высокую. Снижаются горы к северу. На севере разрыв. Мечталось — это Россия. Тянуло туда невероятнейшие».
(Автобиография «Я сам»).

Единственными средствами сообщения в Багдадском лесничестве были лошади верховые и арбы. Переезд на арбах раздражал своей медлительностью. Предпочитали идти пешком.

«Медленна лет арба»

«Вот башня,
револьвером
небу к виску...»
(«Тамара и демон»).

*«Без груза рубах,
без башмачного груза
жарился в кутаисском зное.
Выворачивал солнцу то спину,
то пузо —
пока под ложечкой не заноет»*

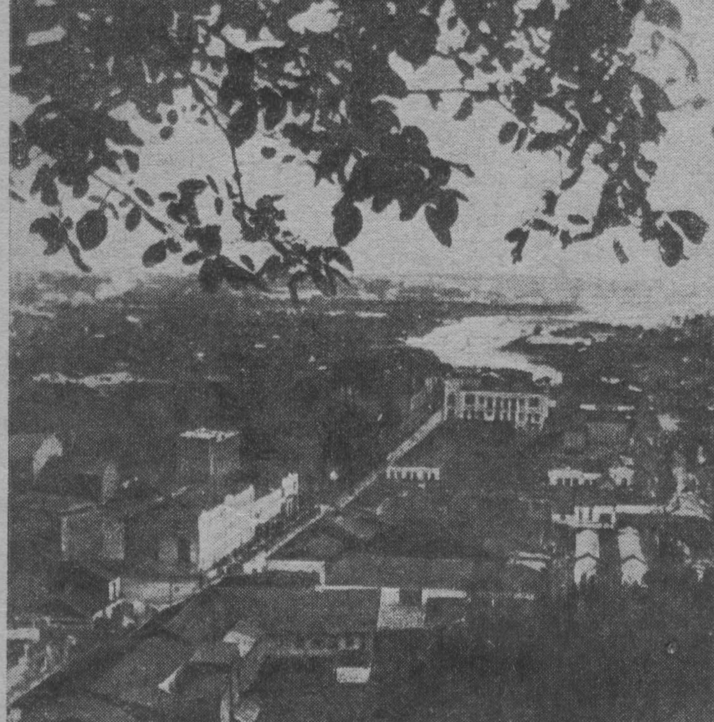
(поэма «Люблю»)

*«А я —
убег на берег Риона
и шлялся,
ни черта не делая ровно».*

(поэма «Люблю»)

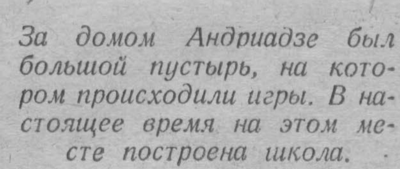
Берег у гимназии
Кутаиси. Общий вид.

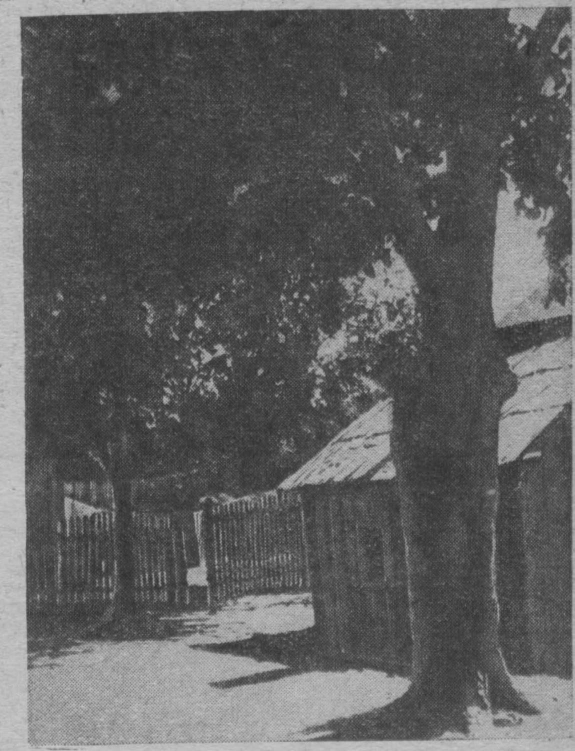
Вид с балкона.

*«Где товарищи?
чего таишься?
Помнишь,
из-за клумбы
стрелами,
отравленными
в Кутаисе,
били
мы
по кораблям Колумба?»*

(«Мексика»).

За домом Андриадзе был большой пустырь, на котором происходили игры. В настоящее время на этом месте построена школа.

Дом Андриадзе в Кутаиси.

Военно-грузинская дорога.

*«...хотел бы
в этой груде го́ря
настоящие облапить
груди — горы»*

(«Про это»).

*«Я
в долгу
перед Бродвейской лампионией,
перед вами,
багдадские небеса...»*

(«Разговор с фининспектором о поэзи»).

Багдади. Общий вид.

Евг. Воробьев

ГРОЗНОЕ ОРУЖИЕ

Нетрудно представить себе, как были бы шокированы делегаты генуэзской конференции, если бы в зале заседаний появился вдруг Владимир Маяковский.

Пренебрегая дипломатическим этикетом, не удостаивая никого из «министерской компанийки» церемонным поклоном, Маяковский прошел бы к ораторской кафедре и громовым раскатистым басом произнес бы свою речь.

Как мы знаем, Маяковский на генуэзской конференции не был в числе советских делегатов. Но речь его, тем не менее, приобрела в стране очень широкую известность. Мы имеем в виду известное стихотворение Маяковского «Моя речь на генуэзской конференции».

Исполненный гордости за свою страну, поэт спешит предупредить господ дипломатов, что у его депутатов «не просьбой просителей язык замер», что они «не нищие, жмурящиеся от господского света».

В те дни у Советской республики, еще не оправившейся от гражданской войны и разрухи, империалисты вымогали царские долги.

«Долги наши,
каждый медный грош,
Считают «Матэны»,
считают «Таймсы».
Считаться хотите?
Давайте!
Что ж!
Посчитаемся!»

Маяковский напоминает дипломатам о расстрелянных и заколотых Врангелем и спрашивает: «какими пудами, какого золота» они оплатят этот долг? Поэт напоминает о зверствах Колчака, которым «аж горы вгонялись в дрожь», и спрашивает:

В. В. Маяковский в Свердловске. 1929 год.

«Каким золотом —
Хватит ли в Сити?! —
оплатите это, господин
Ллойд-Джордж?»

Голодный ад Поволжья, мужицкое разоренье — «хвост от ваших войн и блокад» — напоминает Маяковский и задает вопрос: «на железном, что ли, эксперте не встанут дыбом волоса» при виде всех жертв интервенции?

«Встречный счет» Маяковского империалистам — царским заимодавцам — был достаточно убедителен для трудящихся всего мира, всех честных людей.

Маяковскому была отлично известна лживость заправил Антанты, и поэтому в своих стихотворениях он очень часто обращался через головы правительств непосредственно к зарубежным рабочим.

Еще работая в «РОСТА», поэт писал:

«Оружие дипломатов Антанты — язычище.
Так наврут европейскому рабочему,
что не наврешь чище!» (Окно «РОСТА»
№ 137).

Требование царских долгов только начало собой длинную цепь провокаций Антанты против Советской республики. Маяковский зло высмеял ультиматум Керзона, вызвавший всенародное возмущение, и предложил лорду добавить к своей ноте еще ряд столь же «обоснованных» требований!

«Немедленно
с мальчиком
пришлите Баку,
чтоб завтра же
утром
было тут».

Сама по себе карта СССР уже приводила твердолобых в бешеное исступление. Маяковский в другом стихотворении изобразил лорда Керзона, который

«пока
кулак
не расшибет о камень,
бьет
по карте
стенной
кулаками».

После многолетнего гадания «признать — не признать»

«британский лев
в любовном признании
нам
протянул
когтистую лапу».

Маяковский не настолько наивен, чтобы верить империалистам, ждать от них отказа от политики шантажа и провокаций. Поэт ни минуты не заблуждается насчет истинных причин признания Англией Советской России:

«Ясна
для нас
дипломатия лисьина:
чье королевство
к признанью
не склонится!?
Признанье это
давно подписано
копытом
летящей
буденновской конницы».

Стихотворение «Здравствуйте» напоминает, что признание вызвано безработицей в Англии, желанием расширить торговлю, закупить русский хлеб:

«А, как известно,
в хорошем питании
нуждаются
даже лорды Британии».

Автор возносит славу за дипломатический успех СССР «красной деревне, красному городу, красноармейцев железному сплаву». Автор не обольщается тем, что Англия откажется от своих империалистических устремлений, потому что это было бы несовместимо с самой природой английских колонизаторов:

«Британская мощь
целиком на морях, —
цари
в многоводном лоне.
Мечта их —
одна:
весь мир покоря,
бросать
с броненосцев своих
якоря
в моря
кругосветных колоний».

Маяковский хорошо знал настоящую цену лживым заверениям англо-французских дипломатов о стремлении к миру. Поэт знает, что империалисты, верные самим себе, попрежнему ведут «политику пороховых бочек», которые только и мечтают «всей земле паклю привязать к хвосту».

«На земле мир, во человецех благоволение» — так иронически названо стихотворение, которое описывает положение в Европе после версальского договора. Греки воюют с турками, французы выступают против немцев, японцы точат нож на американцев, а сами англичане «норовят укокошить ирландца»:

«Зато
в остальных местах,
особенно у Северного полюса,
мир.
Пение птах.
Любой без отказу пользуйся».

Вся Европа — пороховой погреб, а империалист в то же время «глазкамиворьими любуется, траченными молью, версальским и прочими договорами».

Маяковский различал во всех кознях и каверзах, состряпанных против молодой республики, многоопытную руку английского империализма:

«Сложны
и путаны
пути политики,
Стоя
на каждом пути,
любою каверзой
в любом видике
англичанка мутит».

Маяковский не устает разоблачать происки англичан против СССР то на афганской, то на финской, то на польской границе. Вот поэт ловит с поличным чопорных лордов, когда они исподтишка снабжают бомбами басмачей в Средней Азии (стихотворение «На Западе все спокойно»).

Балтийское море издавна привлекало британских пиратов. Балтийское море и даже Финский залив стали в те годы излюбленным местом прогулок для английских эскадр. В стихотворении «Готовься» поэт спрашивал:

«Зря, што ли,
Англия
лезет в Балтийское,
грудь-волну
броненосцами тиская?!»

Когда панская Польша начинала бряцать оружием, поэт правильно приписывал эту наглость исполнительной содержанки приказам ее хозяев — Англии или Франции.

В стихотворении «Чугунные штаны» поэт советует металлическому пану Понятовскому — памятнику, установленному в Варшаве на Саксонской площади, — повернуть свой «меч, направленный на Восток», «градусов на девяносто вправо». Там сидели «миролюбцы», которые науськивали «любого поляка на русского за то, что русский первым восстал...»

7 июня 1927 года в Варшаве был злодейски убит полпред СССР в Польше товарищ Войков. Непосредственным убийцей явился белогвардейский выродок Каверда. Но Маяковский разглядел, указал на спрятанную

за этим гаденышем кровавую руку подлинных убийц, взявших террористов на свое иждивение, давших им свою выучку.

Поэт громил тех, кто наводит револьверы убийц, он распознавал преступников. Это те же самые умелые и многоопытные устроители войны, стяжавшие себе печальную славу еще интервенцией в Советской стране.

Стихотворение, так и названное «Слушай, наводчик», полно испепеляющей ненависти к фальшивым миролюбцам и гневной угрозы по их адресу:

«Не скроете наводчиков!
За шиворот молодчиков!»

В ответ на разгул белогвардейской злобы поэт (стихотворение «Призыв») зовет советский народ смотреть в оба, положить «руку на наган».

Во всей своей поэтической деятельности, начиная первыми антивоенными стихами и плакатами «РОСТА», кончая поэмой «Хорошо!» и последними своими строфами, Владимир Маяковский не переставал обличать заклятых врагов советского государства. Эта ненависть советского патриота к поджигателям войны всегда горела в сердце Маяковского, и поэтому строки его, посвященные Керзонам и Пуанкаре, полны такой уничтожающей силы, страстного гнева.

В поэме «Хорошо!» поэт указывал на источник бешеной злобы империалистов к СССР. «Ощерившие сытую пасть» понимают, что «если в Россиях увязнет коготок, всей буржуазной птичке — пропасть».

И вот «из «сюртэ женераль», из «интеллидженс сервис»
«выходит
разная
сволочь и стерва,
шьет
шинели
цвета серого,
бомбы
кладет
в ранцы».

Дредноуты и авиоматки, подводные лодки и миноносцы, на которых красуются флаги «с двуспальным английским лёвою», продолжают угрожать республике:

«Послал
капитал
капитанов ученых.
Горло
нащупали
и стискивают.
Ткнешься
в Белое,
ткнешься
в Черное,
в Каспийское,
в Балтийское, —
куда
корабль
ни тычется,
конец
катаниям:
стоит
морей владычица,
бульдожья
Британия».

Маяковский напоминает в поэме «Хорошо!» и о блокаде и морском пиратстве англо-французов: «А кому на суше грабить охота, те с кораблей сходили пехотой».

Танки, консервы и крупнокалиберные орудия Юденича, Колчака, Врангеля — все это «подарки» богатых содержателей белогвардейских полчищ.

Маяковский помнит о кровавых «подвигах» интервентов на севере России: и как англичанин «Мурманск разизнасиловал», и как Двина-река была окрашена кровью убитых коммунистов, которых «храбрецы расстреливали кучей», и «как офицера его величества бежали от выстрелов, берег вычистя»...

Поэт обрушивает на интервентов, на поджигателей войны гневное проклятье:

Домик в Багдади, где родился и провел детские годы В. В. Маяковский.

Фото В. Джейранова.

«Будьте вы прокляты,
прогнившие
королевства и демократии
со своими
подмоченными
«фратернитэ» и «эгалитэ».

Автор поэмы «Хорошо!» по собственному признанию «земной шар чуть не весь обошел». Поэт часто бывал заграницей и воочию познакомился с «капиталом — его препохабием». Ведь во имя цивилизации и демократии предпринимались крестовые походы против Советской России. Поэт видел прогнившую «демократию» лордов и рантье не только с лица, но и с изнанки. Именно Маяковскому принадлежит остроумная, меткая характеристика «демократического» буржуазного строя:

«Одному — бублик, другому — дырка от
бублика, —
Это и есть демократическая республика».

Любовь к социалистической родине и ее людям была для Маяковского неиссякаемым источником ненависти к врагам социализма.

Время показало неувядающую силу злободневных газетных стихов, на которых лежит печать подлинного поэтического вдохновения, гениального ума. И сейчас многие строки Маяковского не потеряли и крупицы своей силы, жизнерадостности. «Старое, но грозное оружие» поэта вошло в арсенал республики.

Вот, например, бессмертный портрет английского профсоюзного деятеля, председателя союза матросов и кочегаров Гевлока Вильсона. Разве английские — и не только английские — рабочие, матросы не узнают в нем сегодня всех этих Ситринов, Эттли, Блюмов, Жуо и прочих предателей?!

«И гордость класса
в бумажник забросив,
за сто червонцев
в месяц из месяца
речами
смиряет
своих матросов,
а против советских
лает и бесится.
. . . .
Английских матросов
он шлет воевать:
— Вперед,
за купцову прибыль! —
Он слал матросов
на минах взрывать —
и шли
корабли
под кипящую водь,
и жрали
матросов
рыбы».

Живут и строчки Маяковского, адресованные бульварной буржуазной печати:
«Газеты соревнуются
во весь рот,
кто
СССР
получше обоврет».

Последние месяцы показывают, как бесстыдно и нагло все «обвирают» СССР газеты, печатающие лживую информацию агентства-шантана «Гавас».

В стихотворении «Посмеемся» (1924 год) Маяковский зло издевался над «пророками» из лагеря твердолобых, которые не уставали предрекать крах советской власти:

«Мы
гордо стоим,
а они — раз сто
слетали, как еловые шишки!»

Когда-то Маяковский призывал:
«Храни
республику
на свои гроши.
В ответ чемберленам
взлетай, эскадрилья,
винтами,
вражье небо кроши!»

СССР превратился в могучую державу, а Красная Армия и Красный Флот стали сильнейшими в мире.

На вооружении страны состоят и «все сто томов партийных книжек» великого пролетарского поэта, каждой строкой своей защищавшего республику от враждебного капиталистического окружения.

Как клятва звучит сегодня «Левый марш» Маяковского:

«Пусть,
оскалясь короной,
вздымает британский лев вой.
Коммуне не быть покоренной.
Левой!
Левой!
Левой!»

В. Шкловский

ПОЭТ ПУТЕШЕСТВУЕТ

Когда-то давно молодой Маяковский написал стихи «Люблю». Это — большое стихотворение с проверкой жизненного пути. Оно кончалось словами:

«Подъемля торжественно стих строко-
перстый,

В Мехико-Сити. 1925 год.

клянусь —
люблю
неизменно и верно!»

Эти строки потом были срифмованы с другими.

Мысль возвращается измененная, и образ напоминает образ.

Поэму «Во весь голос» Маяковский в 1930 году кончил словами:

«...я подыму,
как большевистский партбилет,
все сто томов
моих
партийных книжек».

Образ присяги соединяет любовь и партию.

У Маяковского есть другой, постоянный образ:

«Лодка дней».

«Он сразу входит оснащенный».

В 1924 году в поэме «Ленин»:

«Люди — лодки.
Хотя и на суше.
Проживешь
свое
пока,
много всяких
грязных ракушек
налипает
нам
на бока.
. . . .
Я
себя
под Лениным чищу,
чтобы плыть
в революцию дальше».

Образ лодки реализовался в поэме «Хорошо». Он стал комнатой-лодкой:

«В пальбу
присев
на корточки,
в покой
глазами к форточке,
чтоб было
видней,
я
в комнатенке-лодочке
проплыл
три тыщи дней».

Люди — лодки, комната — лодочка.

«Ленин» — это не только поэма «Ленин». Это поэма «Хорошо».

У Маяковского есть такие пары поэм: «Человек» рядом с ним «Про это».

«Хорошо» стоит рядом с «Лениным», в одном решении времени.

Жил он в домах Стахеева, комната его мало менялась. Последние годы сделал диван, стол поставил себе американский, американские шкафы, и на камине — верблюда.

Была у Маяковского песня:

«У коровы есть гнездо,
У верблюда — дети,
У меня же никого,
Никого на свете».

Верблюд жил на камине.

Маяковский хотел войти в коммунизм со всей своей жизнью, со своей любовью, друзьями:

«Вот со мною, с Алексеем Крученых».

Он всех людей проверял и вел к одной цели и радовался, что Крученых написал стихи о Руре и опоязовцы написали работу о языке Ленина.

С именем Ленина связан у него город и сам язык русский. Он говорил:

«Да будь я
и негром преклонных годов,
и то,
без унынья и лени,
я русский бы выучил
только за то,
что им
разговаривал Ленин».

СССР — страна многонациональная. Русский язык — язык Ленина. И Маяковский обладал народной гордостью великоросса.

Писал о русском языке стихи, обижался, когда его, Маяковского, нарочно не понимали люди в Тифлисе и в Киеве...

Стихи эти он тщательно переделывал так, чтобы было убедительно.

«Во втором номере Лефа помещено мое стихотворение «Нашему юношеству». Мысль (поскольку надо говорить об этом в стихах) ясна: уча свой язык, не к чему ненавидеть и русский, в особенности если встает вопрос, какой еще язык знать, чтоб юношам, растущим в советской культуре, применять в будущем свои революционные знания и силы за пределом своей страны.

...Я напечатал стихи в Лефе, и, пользуясь своей лекционной поездкой в Харьков и Киев, проверил строки на украинской аудитории.

Я говорил с украинскими работниками и писателями.

Я читал стих в Киевском университете и Харьковской держдраме.

...С удовольствием и с благодарностью для полной ясности и действенности вношу всю сделанную корректуру».

Он ездил по Советскому Союзу. Трудно ездить. Поезда, а иногда и сани, номера гостиниц с водопроводными трубами и вынужденным одиночеством.

Он ездил так много, что говорил:

«Я теперь знаю, сколько верст надо бриться и сколько верст в супе».

В Ростове ему сказали, что в местном Рапп была поэтесса, ее снимали под крестьянку, надевали ей на голову платочек. Сказали: «Это вам идет». Напечатали: «поэтесса-колхозница».

А потом перестали печатать. Раппы так людей ломали часто.

Девушка достала револьвер и выстрелила себе в грудь.

Маяковский в Ростове прочел ее стихи, стихи были неплохие. Поехал в больницу. Говорит:

— Так не надо. Ведь есть же у вас товарищи. Они все вам устроят. Я вот вам устрою.
Устроил и лечение и отдых. Спрашивал ее:
— Вам трудно?
Она отвечала:
— Вы знаете, огнестрельная рана — это не больно. Впечатление такое, как будто тебя кто-то внезапно окликнул. Боль приходит потом.
— Вы это нехорошо говорите,— сказал Маяковский.

Из города в город ездил Маяковский, спорил с людьми, учил людей, читал про себя.
Когда-то Золя говорил, что он по утрам глотает жабу. Маяковскому жаб пришлось проглотить за свою жизнь очень много.
Был один поэт. Маяковский обругал его столько раз, что тот укрепился, стал существовать не только как поговорка: он мог утром встать и посмотреть на себя в зеркало, и отнести стихи в редакцию, и печатать статьи про Маяковского.
Книга его о Маяковском издана была не больше и не меньше как Союзом поэтов, который так не любил Маяковского. Книжка в обложке черной с белым, как будто дегтем вымазаны чистые ворота. Я ее недавно видел в Музее Маяковского. На книжке шутливый автограф 1931 года. Автор еще не был огорчен. Книжка состоит из цитат. В ней доказывается, что Маяковский — хулиган и что он лично очень некрасивый: все хулиганы некрасивые.
Потом: у Маяковского очень плохие рифмы. Он однообразен, пишет для люмпен-пролетариата. Свободный стих тоже никуда не годится: не дает никаких возможностей, а кроме того таким письмом писали Пушкин и Блок. Год издания этой брехни — 1927.
И Маяковский отвечает этому поэту, потому что у того была своя аудитория.
Это было время поездок, странствований поэта.
Маяковский говорил, что в 1927 году «главной работой было развоз идей Лефа и стихов по городам Союза».
Он получил за это время семь тысяч записок. Записки повторяли друг друга с последовательностью смен времен года или с последовательностью, с которой смешаны разные виды трав на лугу.
Маяковский отвечал на записки.
Однажды его спросил человек:
— Я слушаю вас в третьем городе, и вы говорите одни и те же остроты в ответ.
— А зачем вы за мной ездите?
На самом деле, повторялись записки, и потому повторялись ответы.
И сердиться на записки было нельзя и незачем.
Отвечать надо.
Конечно, критики были в меньшинстве. Аудитория Маяковского любила.
Он поехал заграницу, снова хотел увидать Париж и поехать вокруг света.
Он плыл через океан, увидел, что индейцы действительно существуют.
Он писал о мире новой прозой и был уже накануне создания нового романа, ему мешала теория факта.
Большой, многоумеющий, далеко видящий человек, воспитанный уже революцией, уже давно ею призванный, еще не признанный, смотрел на мир глазами будущего.
Выплывали из моря прекрасные острова, ночью приветствуя пароход благоуханием.
Утром рядом с пароходом оказывалось блистание города.
Потом пароход уходил.
Мир оказывался круглым.
Маяковский уехал в экзотические страны, а там была Латвия.
На мужчинах желтые ботинки, соломенные шляпы. Такие средние мужчины, средние женщины ездят среди чудес ботаники в однотипных автомобилях.
Мир нуждался в переделке.
Море украшено радугой.
Радуга отражена в море. В цветной круг вплывает пароход, радуга стоит от горизонта до горизонта, и это не так уж много.
В Америке также не понимают, что такое язык и для чего он, как не понимали это в Киеве.
Много больше не понимают чем у нас.
Однажды в русско-еврейской аудитори поэта приветствовали на «идиш» без перевода.
Он встал и очень серьезно ответил речью по-грузински. Тоже без перевода.
Смысл этого был таков: будем пользоваться тем языком, который мы все понимаем. Вы не так защищаете свой язык, как это надо.
Чужие люди. В Америке, стране прекрасной техники, передовые писатели организовали общество «зеленых рыбаков».
Сидят с удочками на краю жизни.
Когда говоришь с ними, то говоришь как

плохие стихи —
труха.
Хороший —
себе дороже.
С хорошим
и я б
свои потроха
сложил
под забором
тоже».
Это — не свидетельство. Стихи хорошие, и

В Праге. 1927 год.

будто через стекло. Они в движение губ твоих вкладывают свои, чужие поэту, слова.
Люди — лодки, очень сильно обросшие ракушками.
Мир прекрасен.
Владимир Владимирович раз обиделся на меня, когда я, расспрашивая его про Мексику, не удивился на рассказ о каких-то хохлатых или, наоборот, гололобых птицах.
Изумителен Париж. Изумительно его искусство. И самый цвет его вечера, цвет не понятого еще художниками анилина.
С Сезаном, с Верленом разговаривал поэт, побеждая невозможность тем, что такой разговор очень нужен. Они разговаривали огорченно:
«Поговорим
о пустяках путевых,
о нашинском ремеслишке.
Теперь

ремеслишко — это поэзия и живопись.
Он страстно любил мир, не только Москву. Мир весь должен был принадлежать его идее.
Он хотел обладать этим городом так, как колонна влюбленно владеет площадью.
И вся эта тема мира возвращается в тему «любовь».
«Пролетарии
приходят к коммунизму
низом —
низом шахт,
серпов
и вил,—
я ж
с небес поэзии
бросаюсь в коммунизм,
потому что
нет мне
без него любви».

Н. Белявский

РИСУНОК, ПЛАКАТ, КАРИКАТУРА

Не найти, не указать другого поэта с таким широким творческим диапазоном, такой многообразной одаренности. Лучший поэт советской эпохи В. Маяковский был талантливым оратором и теоретиком искусства, работал в области живописи и графики, обладал незаурядными данными актера, пробовал свои силы в качестве режиссера-постановщика.

Покидая на время родную стихию слова, он входил не учеником, а врывался новатором в чуждую, казалось бы, не освоенную им область искусства, неся свои стилистические принципы и свою ненависть к обветшавшей эстетике старого мира, свой неуемный политический темперамент революционера.

Но из других искусств только живопись и рисунок прочно вошли в творческую биографию поэта, ярко сказались в его поэзии.

Маяковский начал свой творческий путь с изобразительного искусства, от живописи шел в литературу.

В детстве Маяковский не разбирался за стихи, много и с увлечением рисовал.

В семье считали, что Маяковский будет художником. Считал так и сам поэт, не удовлетворенный своими первыми поэтическими опытами.

После полуторагодичной подготовки в мастерских художников Жуковского и Келина, осенью 1911 года, Маяковский поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Там сблизился с Д. Бурлюком, который ввел его в среду художников-футуристов. И вот Маяковский, уже участник петербургских и московских выставок «левых художников», выступает на диспутах и докладах с горячей проповедью «нового искусства».

Для передачи темы индустриального города, его зрительных впечатлений, гнева к хозяевам капиталистической культуры не годилось камерное искусство, господствовавших в литературе символистов, не годились живописные принципы художников «Мира искусств».

Разрушая искусство старого мира, Маяковский требовал искусства, рассчитанного не на салон, а на площадь, на улицу, дышащие ненавистью к вершителям судеб капиталистического города. Оттого и путь к новому, демократическому искусству надо было искать самому.

Об этих поисках свидетельствуют и немногие живописные работы, сохранившиеся от 1911—1913 годов: «Шмейн-де-фер», «Автопортрет», «Озеро в Петровском парке» (ученические работы не в счет, в них Маяковский придерживался художественной манеры преподавателей училища). О напряженных творческих исканиях еще больше свидетельствуют его стихи.

Отчего в стихах, а не в живописи раскрылся этот путь, как боролся Маяковский-поэт с Маяковским-художником, почему девятнадцатилетний художник, так быстро из скромного ученика превратившийся в участника столичных выставок, уже в этом году меняет кисть на перо, — тема специального исследования. Во всяком случае, столь решительный переход от живописи к поэзии объясняется не только преобладанием литературной одаренности. Художественные искания в живописи оказали огромное влияние на формирующийся талант поэта.

В. Хлебников.
Рисунок В. Маяковского.

Эскиз декорации к «Мистерии Буфф» — «Рай».

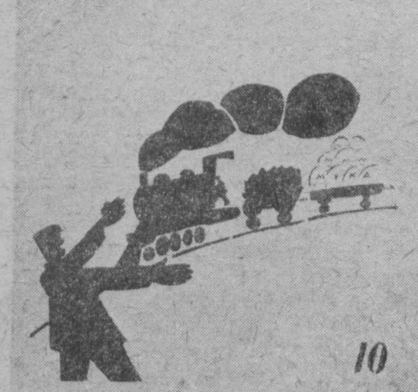
Из наследия Маяковского-художника дореволюционного периода наиболее интересны портреты, сделанные им в 1913—1918 годах. Сам поэт не придавал им серьезного значения, не хранил их, раздаривая своим знакомым. И тем не менее они художественно полноценнее профессионально выполненных им работ предшествующего периода.

Маяковский, несомненно, являлся талантливым портретистом. Его портреты Д. Бурлюка, О. и Н. Брик, В. Хлебникова, И. Репина, К. Чуковского и Лиды Чуковской говорят об исключительном умение в беглом, скупом наброске подметить и передать самые характерные черты лица. В основе портретов Маяковского лежит реалистический принцип — дать графическую характеристику человека. Одним из отличительных признаков портретов Маяковского является несколько преувеличенное, несколько гротескное изображение типических особенностей лица, что придает портрету сатирический характер.

Великая социалистическая революция, напряженные классовые бои, бои с интервентами принесли с собой переоценку и всех старых форм искусства. С первых месяцев революции Маяковский принимает деятельное участие в организации художественной жизни страны, работает в отделе изобразительных искусств Наркомпроса. Революция раскрыла перед ним новые многообразные формы изобразительного искусства.

Маяковский с жаром боролся за самые действенные формы изобразительного искусства: плакат, политическую карикатуру, агитлубок, иллюстративную графику для массовых изданий.

«Окно сатиры РОСТА».

В 1918 году для ознаменования первой годовщины Октябрьской революции он написал пьесу-обозрение «Мистерия Буфф». Для этой постановки Маяковский сам писал плакаты, делал эскизы декораций и костюмов.

Эти эскизы, в особенности декорации, пародирующие иконо-

Карикатура на Пуанкаре.

пись в сатирическом изображении рая, и эскизы костюмов «семи пар чистых и семи пар нечистых» свидетельствуют о новаторстве Маяковского как художника театра.

Кроме работы над театральной декорацией в послереволюционный период Маяковский делает рисунки для обложек книг, пишет плакаты-афиши, создает агитлубки, высмеивающие царя и его приближенных.

Однако наибольшую политическую и художественную значимость имела его работа над агитационным плакатом и политической карикатурой для «Окон сатиры РОСТА».

Шел незабываемый в истории гражданской войны 1919 год. Все уже стягивалось кольцо белых интервентов вокруг молодой Советской республики. Партия, взявшийся за оружие пролетариат боролись на два фронта: и с внешним и с внутренним вра-

Д. Бурлюк.

Рисунок В. Маяковского.

гом — саботажем, контрреволюционными заговорами, разрухой.

Маяковский целиком отдается политической агитации средствами стиха-лозунга и рисунка-плаката.

Разруха подорвала работу типографий и литографий, а каждый день приносил новые известия о борьбе, поражениях и победах. Они требовали немедленных откликов лозунгом, мобилизующим «ярость масс», хлесткой карикатурой, броским плакатом. Этот пробел заполняли «Окна сатиры РОСТА», содержащие несколько агитационно заостренных, часто сатирических рисунков, объединенных общей темой и стиховым текстом.

Сначала «Окна сатиры РОСТА» делались в одном экземпляре, потом при помощи трафаретов их число стало достигать до 100—150. Они вывешивались в витринах пустых магазинов, на агитпунктах, на вокзалах. Их сразу же обступала толпа, живо реагирующая на политически острый стих и политически выразительный рисунок.

Маяковский с жаром взялся за эту работу, включившую искусство кисти и пера в борьбу за социализм.

Больше трех тысяч рисунков для «Окон сатиры РОСТА» и еще больше стихотворных надписей к ним сделал Маяковский. Это была боевая, напряженная работа.

«От нас требовалась машинная быстрота, — писал Маяковский в своем предисловии к сборнику «Грозный смех», много лет спустя воспроизводившему «Окна са-

«Окно сатиры РОСТА».

тиры РОСТА», — бывало, телеграфное известие о фронтовой победе через сорок минут — час уже висело на улице красочным плакатом...»

«...Вспоминаю — отдыхов не было. Работали в огромной, неотопленной, сводящей морозом (впоследствии — выедающая глаза дымом буржуйка) мастерской Роста. Придя домой, рисовал опять, а в случае особой срочности клал под голову, ложась спать, полено вместо подушки, с тем расчетом, что на полене особенно не заспишься и, поспав ровно столько, сколько необходимо, вскочишь работать снова.»

Характер и назначение работы определили и стиль этих рисунков Маяковского. В рисунках «Окон сатиры РОСТА» нет ничего лишнего, ни одной ненужной детали. Преобладает политически острая, беспощадная сатира, изобличающая Врангеля, Деникина, Колчака, берущая под обстрел лодыря, саботажника, кулака. Таким образом, в «Окнах сатиры РОСТА» запечатлелись все этапы борьбы тех исторических лет.

Несмотря на «телеграфную» быстроту выполнения, художественная смелость и убедительность этих талантливых рисунков Маяковского делают их образцами художественно полноценного агитационного искусства.

Работая в «Окнах сатиры РОСТА», Маяковский показал другим художникам дорогу к идейному искусству, к активному участию в борьбе за социализм.

Несомненна роль «Окон сатиры РОСТА» и для поэтического пути Маяковского.

Сатирический рисунок и лозунги «Окон сатиры РОСТА» помогли Маяковскому найти путь к газете, к поэзии, дышащей одним дыханием с многомиллионным народом, строящим в боях социализм.

Маяковский в эти и последующие годы живо интересуется самыми разнообразными формами массового изобразительного искусства. Конфеты, завернутые в бумажки, расходятся сотнями тысяч по всей стране. Значит, этот клочок бумаги должен быть использован для пропаганды, и вот Маяковский делает агитационно-сатирические рисунки для оберток карамели «Красноармейская звезда», сопровождая их подписью-лозунгом (например: «Вздумалось лезть генералу Деникину — красноармеец Деникина выкинул»).

Маяковский ценил все формы прикладного искусства, идущего в массы, все формы поэзии, которые нужны революции. Он отдавал им свою изобретательность, он стремился в них к максимальной выразительности каждого слова, каждого штриха. Он предпочитал увидеть свои стихи и свои рисунки на конфетной этикетке, а не в роскошно изданном альманахе, который останется достоянием немногих.

В период 1921—1923 годов Маяковский работает как художник-график, иллюстрируя агитпоэмы, многие из которых выпускались отдельными брошюрами массовым тиражом. Графическая манера этих иллюстраций тесно связана с своеобразным стилем рисунков «Окон сатиры РОСТА». Та же сатирическая убедительность и социальная заостренность трактовки сюжета, тот же по преимуществу лаконичный и выразительный контур.

Снова и снова возвращается Маяковский к искусству плаката, рекламы. Многие моссельпромовские рекламы сделаны по эскизам Маяковского и снабжены его стихами. Маяковскому принадлежат десятки плакатов, несущих лозунги санитарного, производственного, профсоюзного значения.

В 1925 году Маяковский при-

Этикетка к конфетам.

Рисунок и стихи В. Маяковского.

нял участие в Международной парижской выставке декоративного и индустриального искусства. За высокое и своеобразное мастерство плаката жюри присудило и выдало ему диплом на серебряную медаль. Впрочем, сам поэт не придавал этой оценке серьезного значения, нигде даже не упомянул о ней, и только сохранившийся диплом сберег память о проверке своих сил Маяковским-художником на одной из международных выставок.

Итак, рисунок, плакат, карикатура были постоянными спутниками на поэтических путях Маяковского. В них та же задача — поднять на большую художественную высоту агитационное искусство; то же стремление — сделать искусство достоянием миллионов.

В рисунках Маяковского, так же как в его стихах, дышит неукротимый политический темперамент, революционный пафос и ненависть к врагам социалистической родины.

Рисунки поэта, его работа как живописца и графика, несомненно, сказались в его стихах. На первых этапах его творческого пути они помогли найти свое отношение к дореволюционному искусству, в первые годы революции помогли овладеть мастерством отточенного, как клинок, идейно-целеустремленного и художественно-выразительного агитационного стиха. Наконец, смелые и броские, скупые и экспрессивные рисунки Маяковского находят свое соответствие в зрительной конкретности и впечатляемости словесных образов, в экономии слова и решительных стихах поэзии Маяковского.

Лубок-плакат «Царство Николая последнего». 1917 год.

П. Лавут

ПОП ИЛИ МАСТЕР?*

Примерно за месяц до нашего приезда газеты сообщали, что в Ростове водопроводные трубы соединились с канализационными.

По приезде не прошло и часу, как Маяковский притащил в гостиницу десяток бутылок. Он решил пользоваться нарзаном, отказавшись от чая и от всех «водяных» блюд. Он даже умывался нарзаном.

Комната Маяковского в Москве была крохотных размеров. Поэтому в гостинице он особенно любил большие номера: чтобы было где пошагать, а значит, и поработать.

В Ростове ему предоставили самый большой номер, и он с гордостью заявил:

— Повезло. Еще одна удача: узнали, что все билеты на сегодняшний вечер уже давно проданы.

Перед самым началом вечера на сцену прорвалась молодежь. Пожарные хотели выгнать ее. В оркестре места для нее не было: там сидели свои — артисты этого театра. Маяковский отстаивал всех:

— Они мне нужны, без них я не могу работать.

— Во-первых, гражданин, бросьте курить, — резко оборвал Маяковского пожарный, — а потом я с вами буду разговаривать.

— Я играю, почти артист, и по ходу действия должен курить. А пока репетирую. Понятно?

На афише значилось «Поп или мастер?»

— Меня приводит в бешенство «литературное поповство» — «вдохновение», длинные волосы, гнусавая манера читать стихи нараспев. Я вычитал, что в одной Харьковщине 180.000 поэтов. От поэтов не передохнуть. Среднее мясо этих стихов ужасно. Стихотворное наводнение выходит далеко за пределы литературных интересов. Эти стихи уже не стихи, а «стихийные бедствия». Они вредны для организации молодого сознания. В результате в магазинах ни одной книжки стихов не берут, обманутый читатель обходит ГИЗ стороной. Впрочем, от моей книги в убытке не останетесь.

— Такое огромное количество стихов в корне дисквалифицирует действительно хороших поэтов. А потому пора поставить вопрос об отборке поэтических произведений, надо вскрыть — почему люди в такой массе пишут и как это зло искоренить?

Маяковский прочитал такие строчки:

«В стране советской, полуденной
Среди степей и ковылей
Семен Михайлович Буденный
Скакал на сером кобыле».

— Я очень уважаю Семена Михайловича и даже его кобылу. Пусть она его выносит живым и невредимым из боев. Я могу даже простить автору, что он переделал кобылу в мужской пол. Но если кобыле сделать ударение не по тому месту, то она может занести вас чорт знает куда. Или же у наших молодых поэтов попадаются строчки такого рода:

«Все, что вымеришь взглядом
за день,
Что тебе напоет станок —
Все горой драгоценной клади
Ты домой волоки, сынок».

— Дескать, иди, сынок, на завод, хорошенько присмотрись, как и что там лежит, выбери несколько ценных вещичек и постепенно выноси домой, — т. е., проще говоря, кради — и все. Вот что получается в результате недобросовестной работы. Поэт хотел сказать одно, а получилось совсем другое.

Или такой шедевр:

«Я пролетарская пушка,
Стреляю туда и сюда».

— Нет, ты не стреляй туда и сюда, а стреляй в одно определенное место: стреляй туда, куда надо.

— Неверно, что поэзия — легкое дело, которому можно обучиться в несколько уроков. Задача не в пять уроков научить писать стихи, но отучить в один урок. Литература, которая должна вести рабочий класс на борьбу, — труднейшее дело в мире. Не всякого надо считать поэтом из нахрапистых ребят, печатающихся и имеющих свои книги. Рифма — это хорошая плеть со свинцом на конце, которая вас бьет и заставляет вздрагивать.

Сняв с поэзии поповскую оболочку, мы видим, что делать стихи — такая же черная работа, как и всякая иная. Вдохновение присуще каждому виду труда. Не только на рождение, но и на поиски одной рифмочки приходится тратить больше суток, и нормально Маяковский не может сделать в день больше 6 — 8 доброкачественных строк. Отцеживай рифмы. Я хожу по улицам и собираю всякую дрянь — авось через 7 лет пригодится. Эту работу по заготовке сырья надо проделывать постепенно по принципу 8-часового рабочего дня, а не в минуты отдыха. Дело не во вдохновении, а в организации вдохновения. Стихи в газету особенно трудно писать — срочные, нужно быть гибким, а главное — политически грамотным. На вопрос, можно ли забыть рифму в трамвае? Я отвечу, — да, можно: я однажды забыл у Страстной площади — вернулся и вспомнил.

Перед чтением «Сергею Есенину» (с эстрады объявил он: «Разговор с Сергеем Есениным») Маяковский пояснил:

— Есенин безусловно талантливый поэт, но он часто писал не то, что нам надо, и этим приносил не пользу, а вред: тем хуже, что он был талантлив. Столыпин, например, был достаточно талантливым политическим деятелем, но тем вреднее он был для нас и тем приятнее, что его убили. Вскоре после смерти Есенина в помещении Художественного театра состоялся вечер его памяти. На фоне тощей надломившейся березки выступали с «прочувствованными» речами ораторы. Затем Собинов тоненьким голоском запел «Ни слова, о друг мой, ни вздоха, мы будем с тобой молчаливы...» Хотя молчалив был, конечно, один Есенин, а Собинов продолжал петь. Вот вся эта обстановка произвела на меня удручающее впечатление. Я не мог сразу откликнуться на смерть Есенина. Тем более, что боль утраты, конечно, чувствовал. Я очень ценил Есенина, как талантливого человека и не терял надежды, что творчество его пойдет по другому руслу. Очень часто поэты пишут стихи, приспосабливая их к тому или иному празднику или похоронам. Не приняли в редакции — дожидаются следующего случая или, переделав название и имена, сдают под ту или иную «дату». У меня в стихах фигурирует Коган, — это такой президент Академии художественных наук. Поэт Доронин — написал длиннейшую и скучнейшую поэму в несколько тысяч строк. Не понимаю, как может человек так много написать. Здесь упоминается еще гостиница «Англетер» — есть такая в Ленинграде, — та самая, в которой Есенин повесился. Ну, Леонид Лоэнгриныч — это небезызвестный Собинов, поющий партию Лоэнгрина. Последние четыре строчки — перефразировка предсмертных строчек Есенина.

— После смерти Есенина появилась целая армия самоубийц. Прослушав стихотворение, я надеюсь, вы не пойдете по их стопам. Чтобы ответить сразу и на поступающие вопросы, скажу еще вот что: Есенин брал зачастую в своих стихах «раздражающим» и «волнующим» «др». Есть, примерно, у него такие строки:

«Да, я знаю, с тобою дрругая,
Но и с этой, с любимой, с
дрругой,
Расскажу я тебе, доррогая,
Как недавно я звал доррогой...»

— Это «др» действует в обратную сторону. А иногда оно и раздражающе действует, и этими стихами пользуются, чтобы нравиться девушке. Я считаю, что для этого вообще не нужны стихи. Целесообразнее ухаживать за бутылкой пива, например. Гораздо сильнее народные частушки:

«Дорогой и дорогая,
Дорогие оба,
Дорогая дорогого
Довела до гроба».

После выступления Маяковский сказал мне:

— Лишнее доказательство тому, как увлекаются этим внешним «др»: я читаю строки, лишенные логического смысла, неправильно цитируя Есенина, и ни один человек не обратил внимания и ни слова не сказал об этом.

Читая строки:

«Надо
жизнь
сначала переделать,
переделав —
можно воспевать», —

он делал паузу после слов «надо жизнь» и смысловое ударение ставил (и с большой силой) на слове «сначала».

— Сейчас я вам прочту мое новое стихотворение «Товарищу Нетте, пароходу и человеку».

Нетте — наш дипломатический курьер в Латвии. Погиб при исполнении служебных обязанно-

* П. И. Лавут закончил книгу воспоминаний о Маяковском. Помещаемый нами отрывок относится к ноябрю 1923 года.

стей, отстреливаясь от напавших на него контрразведчиков в поезде на латвийской территории. С ним был и другой дипкурьер — Махмастль, отделавшийся только ранением. Я хорошо знал товарища Нетте. Это был коренастый латыш, с приятной улыбкой, в больших роговых очках. Я встречался с ним много раз. Приходилось ездить с ним заграницу в одном купе. Здесь встречается фамилия Якобсон Ромка — это наш общий знакомый. В Ростове на улице я услышал — газетчики кричат: «Покушение на наших дипкурьеров Нетте и Махмастля». Остолбенел. Это была моя первая встреча с Нетте уже после его смерти. Вскоре первая боль улеглась.

Я попадаю в Одессу. Пароходом направляюсь в Ялту. Когда наш пароход покидал гавань, навстречу нам шел пароход, и на нем золотыми буквами, освещавшимися солнцем, два слова: «Теодор Нетте» — это была моя вторая встреча с Нетте, но уже не с человеком, а с пароходом.

— «Товарищу Нетте, пароходу и человеку», — объявлял он медленно и значительно, делая ударение на «человеку».

В строках:

«В коммунизм из книжки
верят средне», —

он заменял слово «верят» на «веришь».

Из Ростова — в Таганрог. В Таганроге Маяковский выступает впервые. В нетопленном зале клуба кожевников неуютно. Публики мало. Маяковский объявляет с эстрады:

— Зал наполовину пуст, — будем считать, что он наполовину полон. Все равно, буду выступать, пока мы все не замерзнем. А, возможно, произойдет обратное: я все сумею разогреть своими стихами. А сам-то я наверно согреюсь.

И он, действительно, разогрел слушателей. В конце вечера он сказал:

— Товарищи, я даю всем таганрогцам возможность выправить свою неловкость. Как только смогу, приеду к вам вторично. Предупредите ваших знакомых. И чтоб на следующий раз было полно и тепло.

Второй ростовский вечер назывался «Я и мои вещи». Под названием стояло «Отчетный разговор за 15 лет». Он был составлен из отрывков поэм: «Облако в штанах», «Человек», «Ленин», «Война и мир», «Флейта-позвоночник», «Мистерия Буфф» — и из новых стихов. С таким «отчетом» Маяковский выступил впервые и больше никогда не повторял его.

Новочеркасск. С вокзала плетемся в гору на одноконке. Извозчик с окладистой бородой. Маяковский спрашивает его о временах белогвардейщины:

— Много у вас тут сволочей перебывало?

Извозчик спокойным басом:

— Хватало.

— А какие у вас еще есть знаменитости, кроме белых генералов?

Извозчик так же спокойно:

— А вот сейчас памятник Ермаку будет.

Я привел статистические данные о новочеркасском населении. Маяковский пришел в восторг.

— Здорово! Такой маленький город и столько студентов!

О Новочеркасске он написал стихотворение «Голубой лампас». Эпиграф такой: «В Новочеркасске на 60.000 жителей 7.000 вузовцев».

«...А за собором,
средь сора и дерьма,
эдакой медной гирей,
стоит казак,
казак Ермак,
Ермак —
покоритель Сибири.
Ермак не один:
из ночи и льдин
встает генерал Каледин.
. . . .
По-новому
улицы Новочеркасска
черны сегодня —
от вузовцев.
И вместо звяканья
сабель и шпор
на дурнях
с выправкой цапли —
звенит
комсомольский
смех и спор
да мысли острее сабли».

Аудитория Донского политехнического института была набита доотказу. Почти сплошь студенты. Маяковский после доклада читает множество стихов. Записок столько, что нет физической возможности даже огласить их. На местах — споры, с мест — вопросы вслух. Маяковский приглашает желающих высказаться, и притом — с эстрады.

— Давайте, давайте, не стесняйтесь! Я работаю один на всех вас — помогайте!

Смельчаки нашлись. Один упорно доказывал, что так писать нельзя, стихи непонятны. Его прервал из публики восторженный, уверенный и счастливый голос:

— Люблю Маяковского!

Это оказался профессор химии. Он стоял у самой эстрады. Своим возгласом он уничтожил придирчивого и нудного критика. Весь вечер он громче всех кричал:

— Браво, Маяковский!

За 4 года нашей работы новочеркасское выступление оказалось самым длинным: оно продолжалось $4\frac{1}{2}$ часа. По окончании профессор пригласил Маяковского в свой рабочий кабинет.

— Не могу отпустить вас, Владимир Владимирович, пока не угощу вином собственного производства.

Попадаем в лабораторию. Профессор знакомит со своей женой и откуда-то из подвала приносит вино. Стаканов нет, пьем из мензурок и пробирок. Из стерильной мензурки пьет и Маяковский. Поклонники унесли на память забытый им в аудитории собственный плоский стакан, которым он почти неизменно пользовался в дороге. Шестидесятитрехлетний профессор читает собственные стихи. За стихами следует пение, поет и жена профессора. Поем любимые Маяковским цыганские песни и даже оперные арии.

Маяковский:

— Ну что для меня, кавказца, выпить вина.

Профессор:

— А для меня тем более — собственное.

В гостиницу попадаем только в 6 часов утра. В 8 мы на вокзале, в 10 снова в Ростове. Несмотря на бессонную ночь и усталость от вчерашнего выступления Маяковский строго выполняет принятые им на себя обязательства. Еще в первый день нашего приезда в Ростов к нему пришли представители Ленинских мастерских, и он согласился выступить в цехе в обеденный перерыв. С такой же просьбой явились затем комсомольцы, рабкоры, пролетарские писатели и другие. Соединив комсомольцев с рабкорами, Маяковский обещал в единственный имевшийся в его распоряжении, притом неполный день (до 7 вечера) выступить три раза.

В огромном и никак, конечно, не приспособленном для выступлений цехе он мощным голосом донес каждое слово до тысячной аудитории.

После встречи с рабкорами и комсомольцами большая группа молодежи отправилась провожать Маяковского на вокзал. Он усадил их за стол в буфете и, не забывая угощать — как никогда не забывал, — продолжал страстный разговор. Они не хотели отпускать его, и в вагон он вскочил в последнюю минуту. Провожающие все еще кричали ему вслед, а он махал им своей большой вытянутой рукой, пока они не скрылись из виду.

В Краснодаре у Маяковского сдает голос: грипп и переутомление. Он очень расстроен, но все-таки уговаривает сыграть на бильярде:

— Для бильярда голос ведь не обязателен.

К вечеру самочувствие его все хуже. Но отказаться от выступления он не хочет. Выйдя на сцену большого зимнего театра, он начинает извинением за свой хриплый голос:

— Не хочу срывать и постараюсь дотянуть до победного конца.

«ЗАПИСКИ СТАЛЕВАРА». Макар Мазай. Соцэкгиз. 1940.

Когда Макар Мазай перешагнул через порог мариупольского металлургического завода имени Ильича, ему шел двадцать первый год. Но позади уже был сложный жизненный путь. Он рано потерял отца. По спине маленького батрака не раз прохаживалась кулацкая хворостина. Когда же он заболел, хозяин выбросил его как ненужную вещь. Полтора года он беспризорничал, путешествуя между Ростовом и Нахичеванью. Вернувшись в родную кубанскую станицу, Макар рассказал о своей жизни в комсомольском комитете. Его устроили на работу, приняли в комсомол. В 1930 году Мазаю посчастливилось быть в Москве. Любуясь Кремлем, он мечтал о том, как бы пойти к Сталину и спросить его, как жить.

Ждать пришлось недолго. Все, что затем произошло с Мазаем, происходит у нас почти с каждым рабочим. Он полюбил свой завод, свою профессию. Стахановское движение захватило молодого сталевара. Он увеличивает емкость печи и проводит утяжеленные плавки в рекордные сроки. В сентябре 1936 года Мазай обращается через «Правду» ко всем сталеварам Союза с предложением выйти с ним на соревнование. За ходом соревнования следит вся страна. Товарищ Орджоникидзе ежедневно разговаривает с Мазаем по телефону, осведомляясь его успехах. Однажды Мазай закончил плавку под утро и не решился звонить наркому, полагая, что он уже спит. Оказалось, что товарищ Орджоникидзе не ложился спать, ожидая звонка.

Победителем соревнования вышел Мазай. Он открыл новую страницу в истории мирового сталеварения. В течение 20 дней он снимал по 12, 18 тонн металла с квадратного метра пода печи.

Страна достойно оценила заслуги выдающегося стахановца: его избирают делегатом Чрезвычайного VIII съезда Советов. С высокой трибуны Кремля он рассказывает о победе социалистического труда. Ему аплодирует великий Сталин.

Нельзя без волнения читать рассказ о чувствах человека, видевшего и слушавшего любимого вождя.

Мазай награжден орденом Трудового красного знамени. Все свое свободное время он посвящает пропаганде новых методов сталеварения. Он успешно учится в Промакадемии, готовясь стать инженером.

И. ВАКС

«СЕВЕР ПОЕТ». Стихи поэтов Севера. Л. Госиздат. 1939.

Изданный Ленинградским отделением Гослитиздата сборник стихов «Север поет» знакомит советского читателя с группой молодых поэтов (эвенков, нанайцев, ненцев, чукчей — с низовий Амура, с Новой Земли, с далеких берегов Чукотки, с Сахалина, с верховий нижней Тунгуски), ровесников Октября, певцов новой жизни.

Сборник открывается песней эвенка с Сахалина Григория Чинкова, воспевающего великого Сталина:

«Гений его
Выше горных цепей,
Гений его
Ярче солнца лучей.
. . . .
Гений его
Светит ночью и днем.
. . . .
Гений его
Вечно молод и свеж.
. . . .
Есть конец и граница
В самом дальнем пути,
Только сталинский гений
Не имеет границ».

Свежестью и бодростью, богатством образов отличаются стихи молодых поэтов: эвенка с верховий Нижней Тунгуски Алексея Салаткина, эвенка из Якутии Алексея Платонова, нанайца с низовий Амура Акима Самара, ненца с Новой Земли Николая Вылки, чукчи с далеких берегов Чукотки Федора Тынэтэгына, — воспевающих вождей и учителей трудящихся, достижения социалистического строительства, Сталинскую Конституцию, Красную Армию, новую, свободную жизнь.

Книге предпослано предисловие Я. Торгашина, знакомящее читателя с характерными особенностями творчества представленных в сборнике молодых поэтов в переводах Н. Гессена, В. Наумова, Людмилы Поповой и С. Стабницкого.

Сборник «Север поет» — еще одно свидетельство расцвета поэтического творчества возрожденных народов великого Советского Союза.

Д. МАНЕВИЧ

ЗДЕСЬ ЖИЛ МАЯКОВСКИЙ

Текст Льва Кассиля

Фото Е. Игнатович

Многим знакомый дом... Гендриков переулок близ Таганки Сейчас это переулок Маяковского. «Здесь каждый камень» помнит поэта, походку его и голос. Бывало, скажешь шоферу такси: «На Таганку, в Гендриков» — обернется и спросит: «В Гендриков? Не к Маяковскому собрались?» И весело мчит к общему знакомому...

А по вечерам рабфаковцы, проходящие мимо, остановятся в переулке и хором, почтительно и задорно:

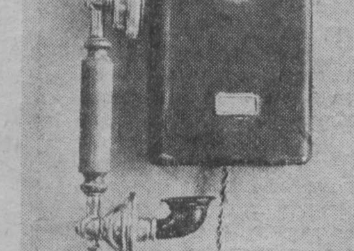
«Проулок, мощеный славой!
Запомните адрес все вы!
Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!»

Сейчас тут библиотека-музей имени Маяковского. И привинчена доска, всем напоминается, что

Так, и те же самые стояли стулья и стол: торцами в углы, в этой простой и светлой столовой. «Краснодеревщики не слали мебель на дом»... Из двери налево он выходил утром, гудя вполголоса. Скромно и опрятно жил Маяковский. И свежие цветы вот так же стояли всегда здесь, сразу и уже на весь день заполняя собой всю комнату.

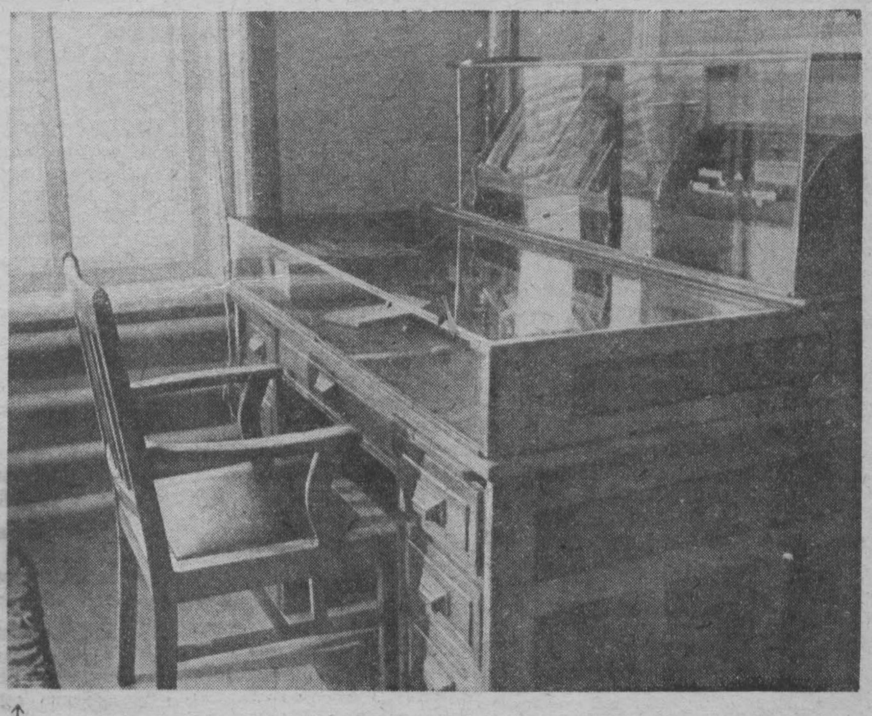

2-35-79!.. Откуда только ни звонили! Просили новые стихи, звали в клуб, приглашали в театр, в институт, в красную казарму, в Баку, в Винницу, в Краснодар, хвалили, ругали, спорили. И он сам звонил в редакции, предлагал новые темы, читал друзьям новейшие свои строки, вызывал к себе, расспрашивал о новостях... «Тонул в разливе звонков телефон». И прославленный голос Маяковского будил людей, будоражил, гремел в разных концах Москвы, «протиснувшись чудом сквозь тоненький шнур». Теперь телефон молчит. Смерть поэта оборвала эти провода.

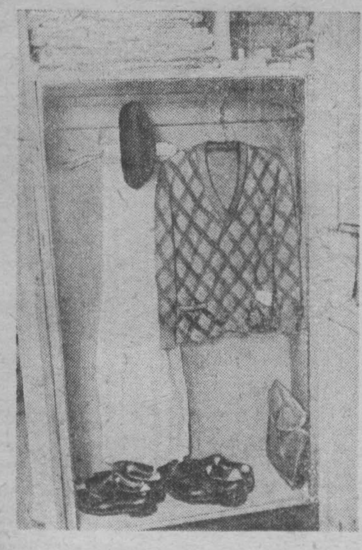
Самовар и чайник на столе, где клали новые журналы, сегодняшние газеты. Этот синий большой с цветами чайник хорошо помнит советская поэзия. Вокруг него по вечерам закипали литературные споры, заваривалась горячая, крепкого настоя поэзия, не потребляющая «морковного кофе»... А самовар, может быть, этот предложил самому солнцу Маяковский: «Но я ему — на самовар: ну, что ж, садись, светило!»

Комната Владимира Владимировича и стол-бюро с блокнотами, зажигалками. Выдвинув правую доску, положив на нее листок с начатым стихом, Маяковский шагал по комнате, подходил к столу, стоя дописывал строку... Слева край коврика перед диваном, на котором спал Маяковский.

И шкаф в его комнатке. Так же акуратно висели, лежали, стояли тут эти вещи. Зимняя шапка. Белые летние брюки. Щетки разного назначения. Тяжелые крепкие ботинки, распертые на колодках. И клетчатый джемпер-пуловер, знакомый уже всем по фото, ставшему каноническим.

←

ФЕДЕРАЦИЯ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
РЕФ
РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ФРОНТ ИСКУССТВ
КЛУБ ПИСАТЕЛЕЙ
1-го ФЕВРАЛЯ
ОТКРЫВАЕТСЯ ВЫСТАВКА 20 ЛЕТ РАБОТЫ
МАЯКОВСКОГО
ПОКАЗЫВАЕМ: Книги. Детское. Журналы. Газеты Москвы. Газеты СССР. Плакаты. „Окна сатиры". Рекламы. Выступления. Театр. Записки. Критика. Кино. Радио. Биография.
ВЫСТАВКА ПРОДЛИТСЯ ДО 15-го ФЕВРАЛЯ
На выставке (в аудитории) об'яснения работников РЕФ'а
ВЫСТУПЛЕНИЯ МАЯКОВСКОГО
ВЫСТАВКА ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО
ВХОД—ВСЕМ
БЕСПЛАТНО

В библиотеке-музее, которая занимает весь дом, собраны образцы разновидной работы поэта, «что двадцать лет в победах» пролетала!

... и рукописи поэта,

и прославленные плакаты из «Окон РОСТА», сочиненные и нарисованные Маяковским в тяжелые годы гражданской войны.

↓

Весенняя песенка

Звенят ледышки
и нет зимы.
Идем
рядами стройными —
и я
и ты
и мы.
Весна сушить развесила
свое [illegible].
Мы молодо и весело
идем
идем
идем.
На стягах, на бумаге
огонь на всем.
Красные флаги
несем
несем
несем.
Улица рада
весной [illegible].
Шагаем отрядом
и мы
и ты
и я.

В. Маяковский

...и знаменитые стихотворные рекламы, которыми Маяковский помогал молодой советской торговле, радуясь, что «стала оперяться моя кооперация».

В читальном зале библиотеки-музея сотни посетителей знакомятся с интереснейшими материалами о поэте. Знакомятся с библиографией, критикой Маяковского, документами его творческой борьбы. «Как живой с живыми» говорит с нами Маяковский.

↑

«Все сто томов моих партийных книжек!» (Вл. Маяковкий). Академическим собранием сочинений, отдельными книжками, однотомниками, сборниками выпускают издательства СССР произведения Маяковского. Все они представлены здесь, в домике, посвященном жизни и гению поэта.

Школьники и студенты, красноармейцы и колхозники, приезжие и московские рабочие слушают здесь рассказы экскурсоводов о том, как жил, как работал, как отстаивал железные законы новой революционной поэзии Владимир Маяковский.

И тихо пройдя по комнатам, где жил и гремел Маяковский, все выспросив, осмотрев плакаты, книги, рукописи, афиши, вписывают в книгу отзывов простые и горячие слова благодарности ему, величайшему поэту революции.

Н. Кальма

«БОЛЬШИЕ ШАГИ»

Под надзором полиции

Владимира Маяковского как несовершеннолетнего отпустили на поруки матери и старшей сестре. С него взяли подписку, что без ведома полиции он никуда отлучаться не будет. Через несколько месяцев Маяковский должен был предстать перед судом по делу о подпольной типографии.

Он пришел домой похудевший, но веселый и гордый. Теперь он мог считать себя настоящим революционером-подпольщиком!

Мать и сестры радостно суетились вокруг него. Они гордились им.

После возвращения все заметили в нем перемену: он стал серьезнее, как-то увереннее в себе, самостоятельнее. Теперь к нему ходили какие-то люди в картузах и черных косоворотках. Он подолгу шептался с ними в коридоре, потом уходил, возвращался поздно, иногда ночью.

— Вы, мама, должны взять меня из гимназии,—сказал он матери,—узнают, что я был арестован, — выгонят с волчьим билетом.

Мать скрепя сердце подала прошение в гимназию: просила освободить сына под предлогом болезни.

Теперь Володя мог без помехи отдаться революционной работе. Он знал, что его силы и время нужны, чтобы поскорей переделать жизнь!

А кругом происходили страшные вещи.

У Маяковских снимал комнату тонкий, похожий на девушку, студент. К нему пришли с обыском, увели его и вскоре повесили.

В той же комнате поселился другой жилец—тихий, молчаливый человек. Спустя несколько дней он исчез. Заявили в полицию, и оказалось, что он бросился под поезд. Приехала его сестра и рассказала, что он очень нуждался и не мог найти работы.

Володя видел этих людей каждый день, они жили рядом, за стеной, и гибель их тяжело его поразила. Проходя мимо закрытой двери комнаты, он хмурился и засовывал руки в карманы, как будто ему не терпелось сжать кулаки.

Семья жила все трудней. Часто не хватало даже пяти копеек на конку, и Володя в любую погоду храбро шагал пешком по городу.

В рваных башмаках, под проливным дождем мчался он из одного конца Москвы в другой с каким-нибудь партийным поручением. То надо выступать у булочников Филиппова, которые бастуют, то провести собрание в чайной среди рабочих, то передать на завод пачку нелегальных книжек...

Но в то время, как он исполнял все эти поручения, охранка продолжала им интересоваться. В партийной организации его звали «товарищ Константин», и в охранке он получил кличку. Там его называли «Высокий». Неслышные тени в гороховых пальто скользили по улицам за подростком в черной папахе.

«Высокий» в 8 ч. 45 м. утра пошел в булочную по Тверской улице, где купил булок и вернулся домой. Вторично вышел из дома в 10 ч. 40 м. с неизвестным молодым человеком и пошли в дом Перетц по Триумфальной Садовой во двор...»

Так доносили филеры в охранку.

Когда семья переехала на дачу, отряд конной и пешей полиции окружил дачу и городовые устремились в комнату «Высокого».

У Володи в эту ночь ночевал знакомый гимназист. Оба уже спали.

— Что такое? Кто там?—спросил Володя, разбуженный шумом.

— Как? Вас только двое? И вы спите?—протянул разочарованно городовой.

— А вам сколько надо?—спросил Володя и, перевернувшись на другой бок, снова заснул.

Побег тринадцати

Из володиной комнаты шел сильный запах смолы. Три человека смолили толстый канат. В комнате матери стучала машинка: мать и Оля вот уже второй день шили из тонкого черного сатина тринадцать гимназических платьев.

И канат и платья нужны были для побега тринадцати революционерок из Новинской женской тюрьмы.

Весной 1909 года в Новинскую тюрьму в Москве привезли новую заключенную—большевичку Нину Морозову. Она была приговорена за революционную работу к пяти годам каторги.

Товарищи Нины — московские студенты — решили во что бы то ни стало освободить ее из тюрьмы. Но Морозова сидела в камере со многими другими политическими, освободить ее одну было невозможно. Тогда решили организовать групповой побег из тюрьмы.

Главным организатором побега был Морчадзе — очень смелый, спокойный и дисциплинированный человек, специалист по конспирации и заметанию следов. Полиция давно охотилась за Морчадзе, но он умело и ловко скрывался и хорошо организовывал явки.

Морчадзе был старым знакомым Маяковских. Он знал семью еще на Кавказе, а в Москве некоторое время снимал у них комнату. После, переехав, он продолжал часто заходить и оставался по нескольку дней жить в комнате Володи.

Он посвятил Володю в план побега. С тринадцатью заключенными была налажена связь через тюремную надзирательницу Тарасову. Тарасова добыла слепки ключей от камеры и от наружной двери тюрьмы. Одной из заключенных достали синее шолковое платье: она должна была разыграть роль начальницы тюрьмы. Остальных заключенных наряжали в гимназические платья. Платья бралась принести на себе в тюрьму Тарасова.

В час ночи с первого на второе июля постовой городовой увидел свешивающийся с тюремной стены канат. Канат еще покачивался, как будто его только что держали чьи-то руки. Городовой тревожно засвистел. Отряд полиции ворвался в тюрьму. В проходной спал мертвецки пьяный надзиратель и лежала связанная старшая надзирательница. Двери камеры № 8 были открыты. В камере не хватало тринадцати политических заключенных. Вскоре узнали, что вместе с ними исчезла и надзирательница Тарасова.

Через два часа вся полиция не только Москвы, но и всех крупных городов России была на ногах. Телеграммы с описанием примет беглянок летели на все границы. Подумать только: сквозь запоры и засовы, сквозь строй надзирателей, полицейских, часовых, сквозь цепь филеров и шпиков прорвалось тринадцать женщин-революционерок.

На другое утро во всех газетах появились сообщения о дерзком побеге заключенных. Полиция, охранка, жандармы—все было поставлено на ноги.

В то же утро Володя с рисовальной папкой, которую он захватил для отвода глаз, чуть не бегом шел по улице. Он наскакивал на встречных, расталкивал локтями прохожих, чуть не сбил с ног какую-то старуху, но даже не оглянулся. Ему было не до того: все в нем бурлило и ликовало. Ему хотелось бить в ладоши, петь, кричать громко, на всю улицу от восторга, что так ловко одурачили охранку. Он все прибавлял да прибавлял шагу, не замечая, что прохожие с удивлением оглядываются на него и торопятся сойти с его дороги.

А кругом все городовые на постах были вооружены винтовками, и всюду шныряли фигуры в гороховых пальто—филеры.

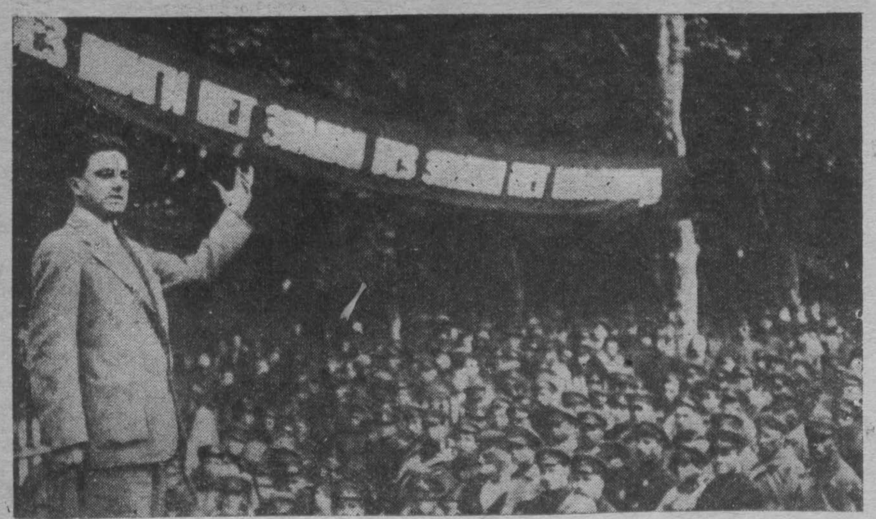
В. В. Маяковский по возвращении из Америки. 1925 год.

Секретно

Въ Охранное отдѣленіе

Содержащейся подъ стражею при ввѣренномъ мнѣ полицейскомъ домѣ по постановленію Охраннаго отдѣленія отъ 26 Іюля с. г. № 432 переведенный коими изъ Басманнаго полицейскаго дома 14 того же Іюля Владиміръ Владиміровъ Маяковскій, своимъ поведеніемъ возмущаетъ политическихъ арестованныхъ къ неповиновенію, гг. чинамъ полицейскаго дома, настойчиво требуетъ отъ часовыхъ служителей свободнаго входа во всѣ камеры называя себя старостой арестованныхъ,

Донесение начальника тюрьмы о заключенном В. В. Маяковском в 1909 году.

Маяковский читает стихи красноармейцам. Москва, 1928 год.

Володя торопился к жене Морчадзе. Может быть, беглянкам нужна помощь? Отвезти куда-нибудь, спрятать в надежном месте? Он так хотел быть хоть чем-нибудь полезным.

Жена Морчадзе жила отдельно, потому что квартира была под подозрением и муж из предосторожности жил в другом месте. Володя знал жену Морчадзе, она занималась мелкой художественной работой и иногда часть своей работы передавала Володе.

В это время в квартире, куда он направлялся, уже дежурила полицейская засада.

Переправив беглянок в безопасные места, Морчадзе хотел выбраться из Москвы, но заметил, что за ним по пятам следует хвост шпиков. Что делать? Но недаром Морчадзе был опытным конспиратором. Он вспрыгнул на полном ходу в трамвай, выскочил на остановке и, чтобы окончательно сбить сыщиков со следа, вскочил во встречный вагон.

Было девять часов утра. Морчадзе колесил по Москве: шпики не отставали. Он доехал до Красной площади и стал в торговых рядах ходить по магазинам, надеясь, что преследователи его потеряют. Не тут-то было!

Каждый раз, выйдя из магазина, Морчадзе видел за собой неизменный хвост. Он устал, был голоден и чувствовал себя зайцем, за которым охотятся. Куда деваться?

— Попробую поехать к Маяковским,— решил он, наконец,— может быть, до них еще полиция не додумалась?

И, всячески запутывая следы, петляя и кружа по улицам, Морчадзе отправился к Маяковским.

А в это время в квартире Маяковских шел обыск.

Мать успела уничтожить все, что могло повредить Володе и его товарищам: записки, адреса, несколько книжек...

В крохотной комнатке Володи, где, сидя на кровати, можно было зашнуровать ботинки, оперившись ногами в противоположную стену, рылся худой длинный жандарм с веснущатым лицом.

— Начитанный ваш брат, — сказал он Люде, перебирая книги на володином столе,— вон какие серьезные книги читает...

По коридору быстрыми шагами прошла Буда Туркия. Вот уже несколько месяцев она жила у Маяковских и училась на зубоврачебных курсах. Буда обменялась с Людой выразительным взглядом.

— Вам что-нибудь нужно? — холодным, официальным тоном спросила ее Люда.

Полиция должна думать, что Буда — совсем посторонняя жилица и никакого отношения к семье не имеет. Буда собиралась ответить в том же тоне, но в это мгновенье в передней позвонили, дверь открылась, и вошел Морчадзе.

У Люды захватило дыхание. Сейчас его схватят, арестуют, уведут в тюрьму...

— Вы к зубному врачу? — быстро спросила она, не давая ему выговорить ни слова.

Морчадзе взглянул на жандармов, столпившихся в коридоре, и схватился за щеку.

— Да, — простонал он, — зуб очень разболелся. Второй день заснуть не могу...

Буда Туркия уже стояла перед ним:

— Войдите, я принимаю.

В комнате Буды «пациент» сказал шопотом:

— Забинтуйте мне все лицо, я попробую ускользнуть от шпиков.

Буда молча кивнула и принялась умелыми руками за работу. Вскоре из белой массы бинтов виднелись только одни глаза «пациента».

В передней Буда громко сказала:

— Положение ваше очень серьезное. Пускай хирург немедленно удалит зуб, иначе вам грозит заражение крови.

Едва Морчадзе вышел из дома Маяковских, снова появились шпики.

— Придется сесть,— решил он и, уничтожив все, что было у него в карманах подозрительного, поехал на квартиру жены.

В дверях Морчадзе встретил сам полицмейстер, бравый и начищенный как самовар.

— Пожалуйте, пожалуйте, пафпаф, мы вас, паф-паф, давно ждем,— сказал он, выпуская изо рта клубы дыма (полицмейстер курил трубку).

Усталый Морчадзе опустился на стул. Он заранее знал, что ждет его: допрос, протокол, тюрьма, потом, наверное, каторга.

— Итак, приступим,— полицмейстер кивнул сопровождавшему его приставу. — Записывайте.

Пристав взялся за перо, но в этот момент в дверях послышался шум, и высокий юноша в черной косоворотке, победоносно размахивая папкой, со смехом ввалился в комнату. Это был Володя Маяковский.

— Сели! — сказал он, озорными глазами оглядывая полицейских.— Честное слово, сели!

Неожиданная полицейская засада ничуть не испугала Володю. Напротив: встреча носом к носу с одураченным врагом еще сильнее его разогрела.

— Кто вы такой? Зачем сюда явились? — спросил пристав, глядя на удивительного юношу, который еще мог смеяться при таких обстоятельствах.

— Протокол пишете? — Володя нагнулся через плечо пристава.— Пишите,— сказал он почти повелительно: «Я Владимир Маяковский, пришел сюда по рисовальной ч а с т и. Отчего я, пристав Мещанской ч а с т и, нахожу, что Владимир Маяковский виноват о т ч а с т и. А посему надо разорвать его на ч а с т и».

— Довольно! — рявкнул полицмейстер. — Увести этого шутника да запереть его хорошенько!

И, кипя и брызгаясь, как самовар, полицмейстер хлопнул дверью.

Автошаржи В. В. Маяковского «Я зимой», «Я летом».

Сцена из пьесы В. Маяковского «Баня».

С. Романов, Вл. Длугач

НЕМЫЕ СВИДЕТЕЛИ

Самый опытный и хитрый преступник почти всегда оставляет те или иные следы: иногда явные, другой раз почти невидимые, на первый взгляд не имеющие, казалось бы, никакого значения. Найти эти следы, суметь изъять их с необходимыми предосторожностями и с применением научно-технических приемов — дело следственных органов. Разъяснить тайный смысл следов, выявить невидимое, заставить заговорить «немых свидетелей» — задача судебной медицины.

Толстые папки лабораторий и отделений Научно-исследовательского института судебной медицины Наркомздрава РСФСР хранят интересный и весьма поучительный материал.

...Карета «Скорой помощи» доставила в больницу мужчину с резаной раной шеи. Перед смертью он обвинил в нанесении раны свою жену. Обыск у обвиняемой дал в руки следствия серьезные улики: паспорт с подозрительным пятном и мешок, забрызганный кровью. Обвиняемая отрицала свою причастность к убийству: кровь на мешке объясняла кровотечением из носу, подозрительное пятно на паспорте приписывала обыкновенной краске.

Исследование пятен подтвердило правильность показаний обвиняемой по поводу паспорта и дало самый неожиданный результат в отношении мешка. Кровь на мешке принадлежала... курице. Оказалось, что обвиняемая, забыв о зарезанной накануне ею же самой курице, под влиянием нервного потрясения дала ошибочные показания. Наука установила точную картину происшествия и помогла снять с невинной женщины подозрение в убийстве мужа.

В одной из московских квартир происходил ремонт. Весь день работали маляры.

Полоса за полосой, ровным блестящим слоем ложилась масляная краска на стены, на высокий лепной потолок, на двери и окна. К концу дня комната преобразилась, хотелось любоваться искусной работой, но слишком уж резок и неприятен был запах олифы. Хозяин комнаты перенес из коридора вещи, кое-как разместил их и отправился ночевать к соседям.

Утром, войдя к себе, он увидел окно раскрытым. Ящики комода были выдвинуты, на полу возле окна валялась старая шерстяная кофточка.

Сотрудник уголовного розыска начал с опроса хозяина, допросил соседей, затем приступил к осмотру комнаты. На форточке окна он нашел три волоска, приставшие к свежей краске. С величайшей осторожностью сотрудник розыска снял волоски и вложил их в конверт.

По подозрению в краже был задержан гражданин П.

Утренняя почта доставила в Научно-исследовательский институт судебной медицины очередную партию «вещественных доказательств». Среди них был пакет с волосами. Это были волосы, «изъятые» с головы обвиняемого П., и отдельно три волоска — «немые свидетели» кражи. Требовалось установить сходство волос гражданина П. и найденных на форточке.

Теперь причастность П. к краже решали не люди, а микроскоп и микрометр лаборатории.

Исследование показало, что «волосы, обнаруженные на месте кражи, являются человеческими. Они сходны с волосами гражданина П. и могут принадлежать ему.

Обвиняемому в числе других улик была предъявлена и эта. П. сознался в краже.

Тоненькая папка недавно организованной спектографической лаборатории Института содержит материал не менее интересный.

Летним вечером группа колхозников проходила полем. Влево от дороги, над полем ржи, кружилась большая стая ворон. Колхозники вошли в рожь и на месте, указанном птицами, нашли мертвое тело односельчанки. При вскрытии из трупа была изъята картечь. Подозрение пало на соседа убитой. В его квартире сделали обыск и в русской печи нашли медную трубку. Под влиянием высокой температуры трубка была деформирована. Возникло подозрение, что эта трубка — ствол самодельного пистолета. Оставалось установить, была ли найденная картечь выстрелена из медной трубки.

В сывороточной лаборатории Института судебной медицины. У кролика берут кровь для изготовления сыворотки.

Приступая к анализу, сотрудники спектографической лаборатории далеко не были уверены в успехе. Ведь трубка была в огне, и огонь мог уничтожить следы прохождения через нее картечи при выстреле.

Опасения были напрасны.

Трубку распилили вдоль, по каналу, с внутренних стенок был снят нагар и введен в искровый разряд. Спектр, полученный с соскоба, содержал свинец, аналогичный по своему химическому составу картечи, найденной в трупе. Больше того: спектр, снятый с поверхности картечи, имел линии элементов, из которых состоял металл трубки.

Лучшей наградой работникам лаборатории было извещение о том, что в результате предъявленных улик преступник сознался в убийстве. Извещение хранится в архиве лаборатории.

Институт проводит большую исследовательскую работу по исключению отцовства в алиментных делах. Тогда в институт приходят взволнованные родители, подчас здесь слышен детский крик. Это случаи «спорного отцовства».

В далекий сибирский город приехал в командировку москвич К. Он часто бывал в доме супругов В. В Москву К. возвратился уже не один: с ним уезжала гражданка В. Через год В. поехала в Сибирь навестить родных. По возвращении в Москву вскоре выяснилось, что она беременна. Родила ребенка, а спустя короткое время мать заболела и умерла. Перед смертью она созналась К., что она во время пребывания в родном городе жила с первым мужем. Гражданин В. приехал в Москву. «Спорные отцы» явились в Институт судебной медицины с твердым намерением выяснить тайну рождения ребенка и с одинаково сильным желанием получить право на отцовство. У ребенка и у обоих отцов взяли на исследование кровь. Случай этот был особенно трудным, так как отсутствовала кровь матери.

Пока, волнуясь и нервничая, В. и К. ожидали результатов исследования, отца ребенку выбирал бесстрастный судья — подопытный кролик из вивария Института. Сыворотка его крови безошибочно определяла группы крови исследуемых.

Москвич «исключился». Именно «исключился», ибо вопрос установления отцовства наукой еще не разрешен. Другой кандидат — отец из Сибири — увез ребенка с собой.

Особое место в Институте занимает криминалистическая лаборатория. Объекты, поступающие на исследование в эту лабораторию, чрезвычайно разнообразны. Изобретательность преступников ставит перед лабораторией каждый раз все новые и новые вопросы. Отвечать на них приходится не только с помощью уже известных положений, но изыскивать оригинальные методы применительно к каждому конкретному случаю.

В картер автомашины с вредительской целью насыпали песок. Нужно было выяснить, взят ли песок из ящика в гараже или принесен со двора. Песок обработали соответствующим образом, подвергли микроскопическому и минералогическому исследованию. Происхождение песка было установлено.

Однажды в Институт прислали обуглившуюся записку. Надлежало восстановить текст. Записку в специальном приспособлении подвергли обработке, доводя температуру до 500°. Частицы графита карандаша, которым была написана записка, ясно обозначились на фоне испепелившейся бумаги. Текст был прочитан.

Огнестрельным оружием нанесена рана. Наличие копоти и порошинок, внедрившихся в области входного отверстия раны, указывает на выстрел с близкого расстояния. Но часто отверстие раны залито кровью. Смыть кровь — значит одновременно уничтожить и прочие следы. Специальная фотография проникает сквозь кровь, давая возможность увидеть наличие копоти и порошинок.

С помощью фотографии и исследования в невидимых лучах спектра раскрываются всевозможные подчистки, подделки на документах, на паспорте и так далее.

В Институте широко используется метод дактилоскопии. Дактилоскопия впервые стала известна в странах Востока в VII—VIII веках нашей эры и много позже — в Европе. С конца прошлого столетия она применяется для регистрации и обнаружения преступников.

В основу дактилоскопической регистрации положены два момента: неизменность и индивидуальность пальцевых узоров. В мире нет двух человек с одинаковым рисунком линий на пальцах. Эти рисунки окончательно формируются еще в периоде внутриутробной жизни человека и остаются на всю жизнь неизменными. Можно иногда подчистить документ, удается изменить имя и фамилию, переменить местожительство, скрыть судимость, но никогда не удастся преступнику подчистить, изменить, скрыть свои пальцевые узоры.

Дактилоскопия применяется не только для борьбы с преступностью. Например в родильных домах и детских учреждениях Аргентины дактилоскопируются ножки детей. Это устраняет возможность перепутывания детей. Московский институт судебной медицины занимается научно-исследовательской работой по применению дактилоскопического метода в судебной экспертизе отцовства.

Практическая и производственная работа — это лишь одна из сторон многообразной деятельности Института. Научно-исследовательские изыскания, подготовка кадров судебных медиков, теоретические труды — ее другие стороны.

В нашей стране судебная медицина получила не только полное признание, но и необходимые условия для своего развития. Кроме Научно-исследовательского института Наркомздрава во многих городах Союза созданы прекрасно оборудованные судебно-медицинские лаборатории.

4 июля 1939 года Совнарком издал постановление «О мерах укрепления и развития судебно-медицинской экспертизы». Постановление разрешает ряд весьма важных проблем, улучшает материальное положение работников судебной медицины, поднимает роль судебной медицины на большую высоту.

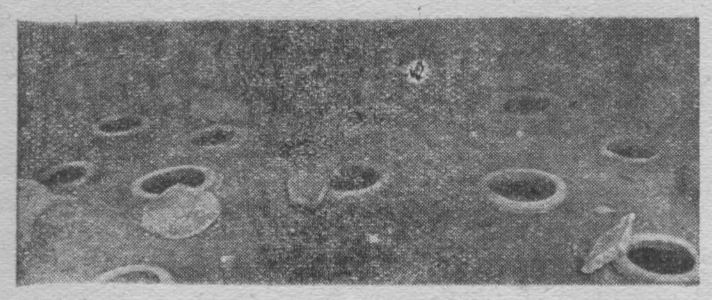
ПЕЩЕРНЫЙ ГОРОД ВАРДЗИЯ

Текст Ю. Промптова

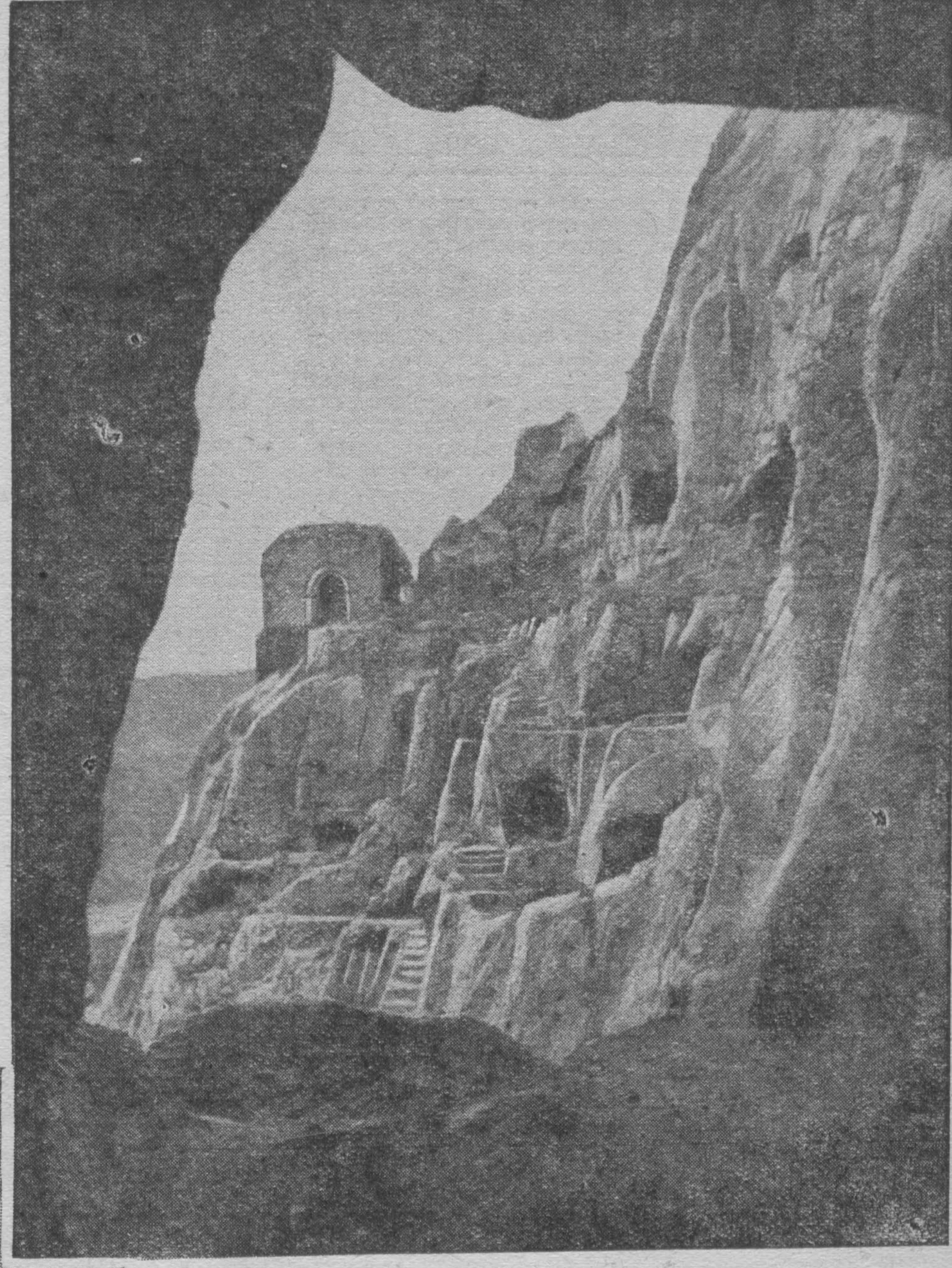
Фото С. Струнникова

В XII веке ущелье реки Куры было одним из самых уязвимых рубежей грузинского государства. Чтобы защитить страну от нашествия врагов, правители Грузии построили на Куре цепь укрепленных городов и замков. Среди этих укреплений главным опорным пунктом был пещерный город Вардзия, сохранившийся до наших дней. В отвесных склонах ущелья, в розовом вулканическом туфе, выдолблено более 300 пещер — жилых помещений этого своеобразного города. Город Вардзия был начат постройкой грузинским царем Георгием III и закончен в конце того же века его дочерью, легендарной царицей Тамарой. 20 тысяч воинов составляли постоянный гарнизон Вардзии, бывшей одновременно укрепленным городом, монастырем и летней резиденцией грузинских царей.

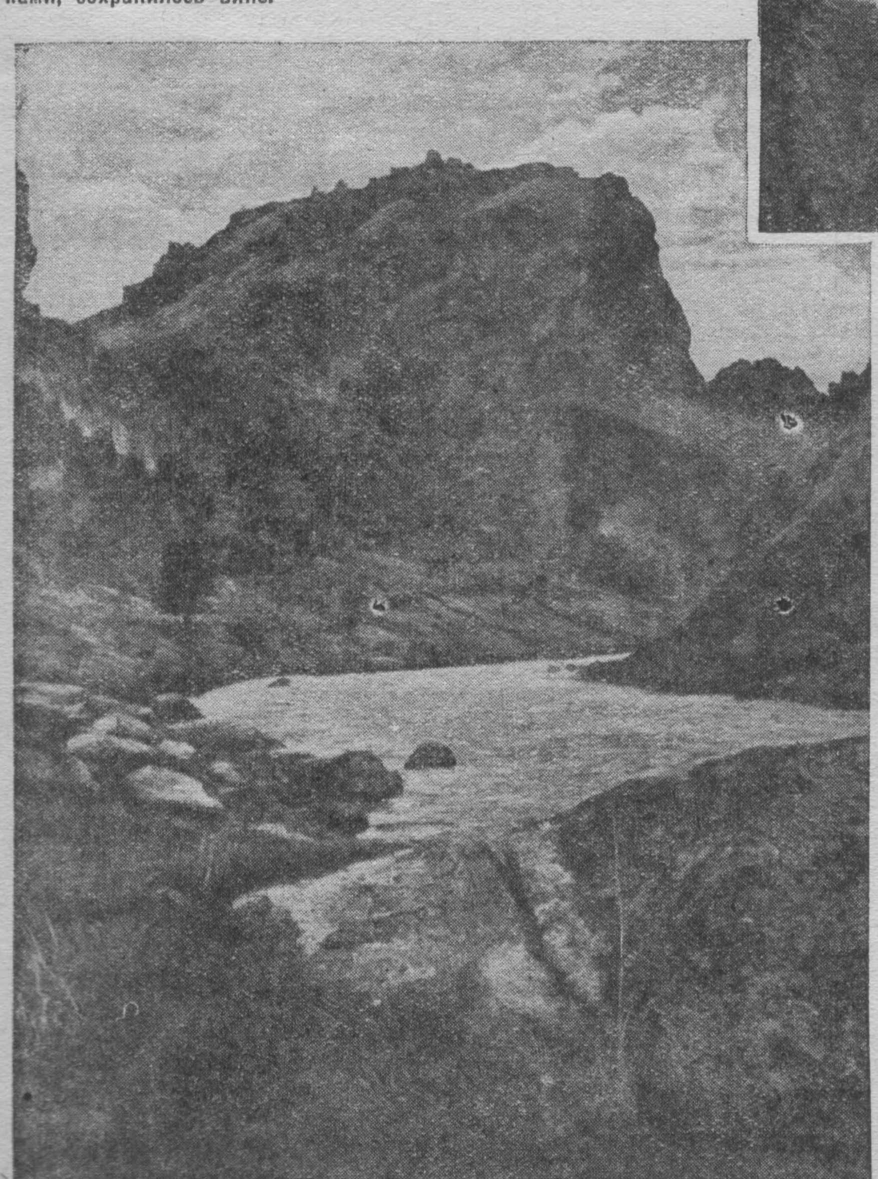
В настоящее время в Вардзии создан музей и ведутся раскопки. Обнаружены несколько ранее неизвестных жилых пещер, склады, аптека, мастерские.

В 1937 году в полу одной из пещер под верхним слоем грунта были обнаружены кувшины для хранения вина. В двух из них, закупоренных герметически глиняными пробками, сохранилось вино.

Жилищем царицы Тамары служила высеченная в скале комната. Из нее открывается вид на пещерный город.

Стены жилищ пещерного города были украшены росписью, фресками. На одной из стен вардзийской церкви сохранилось изображение Георгия III и царицы Тамары, которая держит в руках план строительства города.

В четырех километрах от пещерного города, на высоком обрыве Куры, возвышается замок Тмогви. Замок вместе с укрепленными пещерными поселениями Накалакеви и Ванис-Кваби также входил в систему укреплений ущелья Куры. Во времена царицы Тамары он являлся резиденцией военного министра и министра внутренних дел. В одной из пещер замка находится могила известного писателя и ученого того времени — Саргиза Тмогвели. Замок Тмогви почти еще не исследован и, по мнению историков Грузии, представляет исключительный интерес.

УСИЛЕНИЕ ЦЕНЗУРЫ ВО ФРАНЦИИ. До сих пор военная цензура воспрещала помещение во французских газетах «сведений, могущих повредить военным интересам страны». Под это понятие подводилась всякая критика действий правительства. Только что опубликованное дополнение к закону о цензуре оставляет от пресловутой «свободы печати» только рожки да ножки. Теперь закон будет карать не только за сообщение сведений и фактов, вредящих, по мнению цензуры, ведению войны, но даже за сообщение безвредных фактов, если они сообщены «с субъективно враждебными намерениями». Например, с горькой иронией пишут сами французские газеты, если в газете будет напечатано совершенно невинное сообщение, вроде: «Вчера шел дождь»,— то редактор газеты, автор заметки и владелец типографии могут быть отданы под суд, если суд найдет, что они сообщили о плохой погоде «с субъективно враждебными намерениями».

Закон, таким образом, как бы делит всех граждан на «благонамеренных» и «неблагонамеренных», одним позволяет сообщать в печати невинные вещи, но вторые за самое невинное сообщение могут угодить в тюрьму. Ведь как можно доказать, что, сообщив о плохой погоде, вы не имели враждебных правительству намерений? Особенностью закона является то, что за «объективно невинные, но субъективно вредные» сообщения он карает и редактора газеты, и автора статьи или заметки, и владельца издательства или типографии, причем они могут быть осуждены даже за заметки, пропущенные военной цензурой. Наказание установлено: от месяца до двух лет тюрьмы и от 50 до 5 тысяч франков штрафа.

«РАДИО-ЮМАНИТЕ».
— Алло! Алло! Говорит «Радио-Юманите», Франция...

Так, по сообщению французской газеты «Эвр», начинаются радиопередачи нелегальной радиостанции, организованной французскими коммунистами. Эта радиостанция, на волнах разной длины, рассказывает французским радиослушателям правду об империалистической войне, разоблачает реакционную политику французских империалистов и услуживающих им социалистов, зовет французский народ к борьбе против поджигателей войны.

Новое в науке и технике

ФОРПОСТ ЕГИПЕТСКОЙ ИМПЕРИИ. Кэмбриджский журнал «Дисковери» опубликовал сообщение известного египтолога Фэйрмана об итогах первого сезона археологических ра-

бот, проведенных Обществом изучения Египта в Северной провинции Англо-Египетского Судана.

Древний город, к раскопкам которого приступило Общество, лежит на левом берегу Нила, между вторыми и третьими нильскими порогами, в голой, безотрадной местности, открытой ветрам пустыни. Этим обстоятельством в значительной мере объясняется исключительная сохранность города: повидимому, очень скоро после того, как гарнизон оставил этот форпост египетской империи в Судане, город был покрыт густым слоем песка, нанесенного северными ветрами. Этот покров предохранил его в значительной мере от разрушающего действия времени и от разграбления. В настоящее время откопана кирпичная городская стена, внутри которой обнаружены храм, жилые дома и склады. Во время первого сезона работ экспедиция уделила основное внимание храму. Находки, обнаруженные даже на этом первом этапе работы, свидетельствуют о том, что «раскопки у Амара Уэст», как они известны отныне в египтологии, помогут сделать немало важных исторических выводов. Так, на громадных колоннах храма наряду с прекрасными барельефами обнаружены иероглифические надписи, перечисляющие около 200 сирийских и суданских городов и народов, покоренных Рамзесом II и платящих ему дань. Свыше половины сирийских названий не встречалось до сих пор в известных ученым исторических памятниках.

Раскопанный в настоящее время храм начал строить, повидимому, Рамзес II, но достраивался, перестраивался и отделывался он очень долго: в общей сложности около 140 лет. Есть основания полагать, что на месте этого храма стоял другой, более древний, и что город был основан уже в царствование Тутмоса III (1501—1447 до нашей эры), при XVIII династии, когда на границах египетской империи, в частности между вторыми и третьими порогами, был построен ряд фортов для охраны египетских купцов и отражения набегов кочевников.

ПРОТИВОВОЗДУШНАЯ ОБОРОНА. Во многих английских городах окна нижних этажей, подвалов заложены с улицы мешками с песком. Война! Гниение мешков под влиянием плохой погоды вызвало в ряде мест разрушение этой своеобразной «облицовки военного времени».

Английский журнал «Нэйчур» предлагает пропитывать мешки, чтобы они не гнили, эмульсией смолы или креозота. Журнал указывает, что пропитывание такой эмульсией предохраняет от дальнейшего разрушения даже такие мешки, которые уже подверглись в течение некоторого времени воздействию уличной сырости и дождей.

Физкультура и спорт

МАРАФОНСКИЙ БЕГ НА ЛЫЖАХ. Повели гонку на 100 километров непрерывного бега два инженера: инженер-технолог Павел Орлов и его тренер, заслуженный мастер спорта СССР, Дмитрий Васильев — инженер-химик.

Первый круг в 20 километров был пройден Орловым за 1 час 42 минуты 50 секунд. Васильев шел в затылок. Все надеялись, что он будет лидером в беге. Но второй круг закончили другие гонщики, и они показали лучшее время —1 час 41 минута 30 секунд.

В начале третьего круга произошла заминка. Никто из опытных гонщиков не решался лидировать. Но тут вырвался вперед незнакомец в голубой фуфайке. Бешено работая палками и ногами, он помчался вдаль, увлекая за собой остальных.

Весь четвертый этап младший лейтенант Андрей Новиков и старший лейтенант Военно-Морского Флота Алексей Кузнецов (это он так героически оживил соревнования) «резались» между собой. Однако на пятом круге их стали нагонять вновь вынырнувшие из общей массы два инженера.

Орлов нашел в себе силы преодолеть последние 20 километров за 1 час 33 минуты. Он обошел Кузнецова, но все же отстал от Новикова на 34 секунды. Кузнецов финишировал через минуту, а еще через 2 минуты — Васильев.

Новиков пробежал 100 километров за 8 часов 22 минуты 44 секунды. Пять человек покрыли дистанцию менее чем в 8 часов 30 минут, 12 человек — менее чем в 8 часов 40 минут.

Таковы результаты первого марафонского бега на лыжах, который был проведен в Москве в феврале этого года.

Данные научно-исследовательской работы, проведенной во время этой беспрецедентной гонки, заставляют пересмотреть все прежние «нормы» выносливости человека. Достаточно сказать, что сердце каждого гонщика «перекачало» за время соревнования около двенадцати тонн крови, а количества затраченной каждым из них энергии хватило бы для подъема тысячи человек на высоту пятиэтажного дома

И тем не менее все участники гонки здоровы, бодры и жаждут вновь померяться силами. Уже через два дня многие из них выступали в других соревнованиях и завоевывали первые места.

ЛЕГКОАТЛЕТ НА КОНЬКАХ. Член добровольного спортивного общества «Локомотив» Константин Кудрявцев дважды завоевывал звание чемпиона нашей страны по легкоатлетическому пятиборию (прыжок в длину с разбега, метание копья, бег на 200 метров, метание диска и бег на 1500 метров). В августе прошлого года он установил в этом номере новый всесоюзный рекорд, набрав 3552 очка.

Наступила зима. Кудрявцев сменил туфли с шипами на беговые коньки, вышел на ледяную дорожку и пробежал 500 метров за 43,2 секунды. Он повторил всесоюзный рекорд заслуженного мастера спорта СССР орденоносца Ивана Аниканова.

Недавно состоялся матч конькобежцев четырех городов: Москвы, Ленинграда, Горького и Свердловска. Был крепкий мороз, дул сильный ветер, и тем не менее Кудрявцев вновь показал замечательное время в беге на 500 метров, хотя и не превысил старый рекорд.

На днях это ему удалось. Талантливый спортсмен пробежал свою коронную дистанцию за 42 секунды, вплотную приблизив всесоюзный рекорд к мировому, который равен 41,8 секунды.

МОТОЦИКЛЫ НА АЙ-ПЕТРИ. Еще никогда мотоциклисты не поднимались зимой на эту гору. Свирепые ветры, пурга и метели надолго отрезают от мира расположенную здесь метеорологическую станцию. Зимой путь на Ай-Петри считается закрытым, хотя всего в двадцати километрах от вершины в это время зеленеют парки и морские волны набегают на ялтинский пляж.

Члены симферопольского автомотоклуба, товарищи Радзиковский, Малышев, Шведченко, Вуич и Филатов, на советских мотоциклах «ИЖ-7» и «ИЖ-8» решили в январе штурмовать вершину Ай-Петри. Как сообщает газета «Красный спорт», они несмотря на лютые морозы по сугробам и обледенелой дороге добрались до цели. Айпетринские зимовщики совершенно неожиданно получили комплект свежих газет.

Спуск к Ялте был еще труднее чем подъем. Однако смелые мотоциклисты блестяще справились и с этой задачей.

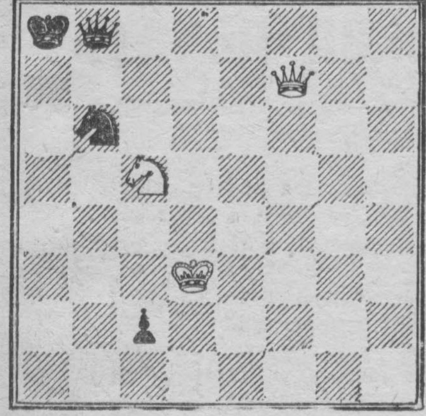
Участники пробега проехали за 30 часов 250 километров.

ЭНМЭН

ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера А. Котова

ЭТЮД № 10 ГОЙ

Белые: Kpd3, Фf7, Кс5 (3)
Черные: Кра8, Фb8, Кb6 п. с2 (4)
Белые начинают и выигрывают.

В № 7 8 нашего журнала были приведены три этюда на тему «Систематизация». Приводимый этюд № 10 также составлен на эту тему.

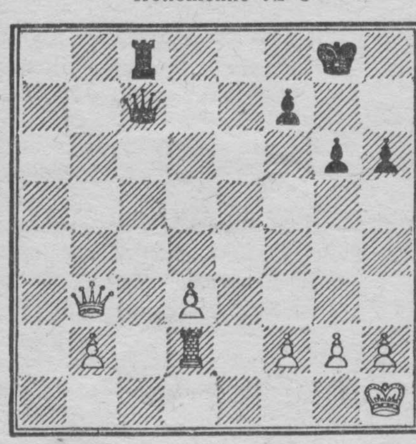
Белым для выигрыша нужно дать шах ферзем по линии «а» в тот момент, когда черный король будет находиться на поле а7.

Непрерывной серией шахов белые достигают нужной позиции, попадая ферзем на a1.

Это вынуждает черных отдать коня и ферзя.

Поучительной является заключительная борьба белых фигур против нового ферзя черных на с1.

Положение № 3

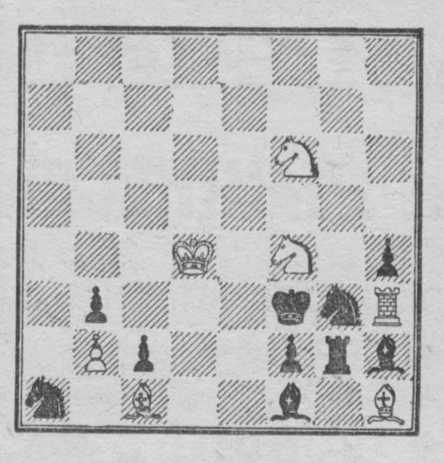

Белые: Kph1, Фb3, Лd2 пп. b2, d3, f2, g2, h2 (8)
Черные: Kpg8, Фс7, Лс8 пп. f7, g6, h6 (6)

Черные с помощью комбинации, заключающей в себе два эффектных варианта, используют запертое положение белого короля на первой горизонтали.

ЗАДАЧА С. ЛОЙДА

«Король путешествует»

Белые: Kpd4, Лh3, Сс1, h1, Кf4, f6, п. b2 (7)

Черные: Kpf3, Лg2, Cf1, h2, Ка1, g3, пп. b3, с2, f2, h4 (10)

Мат в 14 ходов.

Решение этой задачи знаменитого американского проблемиста очень интересно и остроумно.

Разберемся в этой позиции. Прежде всего устанавливаем, что в распоряжении черных есть единственный ход — слоном с h2 на g1, так как отход другого черного слона влечет за собой немедленный мат. Отсюда вытекает и идея решения: добраться королем до пешки h4 и заматовать ладьей на g3. Необходимо, однако, отметить одно важное условие: взятие черной пешки должно последовать в тот момент, когда черный слон стоит на h2! Иначе мата не будет, так как у белых нет выжидательного хода. Это и надо учесть, когда король начнет свое путешествие к черной пешке. Заметим при этом, что король может идти только по черным полям, так как иначе последует шах слоном и черные освободят свои фигуры.

Путь короля к пешке непрост и не может быть прямолинейным. Где он должен проходить, об этом мы предлагаем подумать нашим читателям.

Решение этюда № 6 Гой, помещенного в № 1 «Огонька»

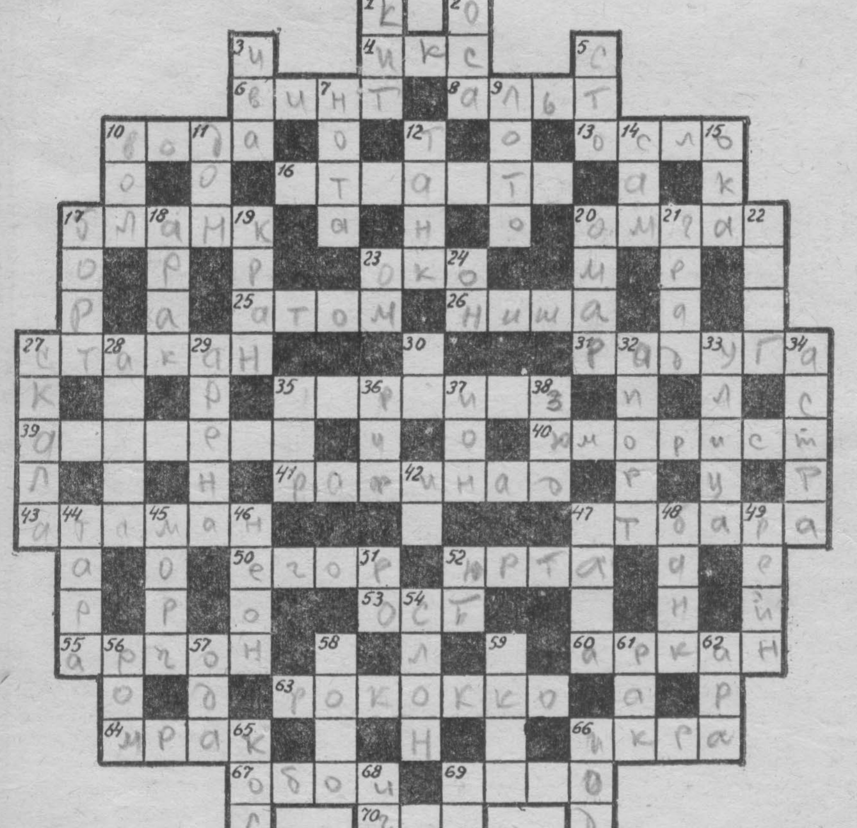
1. Фс3 +, Kpg8. 2. Фg +, Kph8. 3. Фb8 +, Фg8. 4. Фh2 +, Фh7. 5. Фb2 +, Kpg8. 6. Фg2 +, Kph8. 7. Фа8 +, Фg8. 8. Фh1 +, Фh7. 9. Фа1 +, Kpg8. 10. Фа8 + и выигрывает.

КРОССВОРД

СОСТАВИЛ ЧИТАТЕЛЬ «ОГОНЬКА» Е. МОРОЗОВ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

4. Обозначение неизвестной величины.
6. Стержень с нарезкой.
8. Музыкальный инструмент.
10. Жидкость.
13. Столица Норвегии.
16. Город в США.
17. Незаполненный листок с определенным обозначением.
20. Колония Франции.
23. Глаз.
25. Частица вещества.
26. Углубление в стене.
27. Сосуд.
31. Природа.
35. Французский композитор.
39. Геометрический термин.
40. Писатель, освещающий факты с юмористической стороны.
41. Сорт сахара.
43. Выборный начальник в дореволюционном казачестве.
47. Приток Нила.
50. Мужское имя.
52. Уходящее в историю жилище северных народов.
53. Международное обозначение Востока.
55. Химический элемент.
60. Длинная веревка с петлей.
63. Архитектурный стиль.
64. Темнота.
66 Ценный рыбный продукт.
67. Бумага для оклеивания стен.
69. Город в Чехии.
70. Животное рода антилоп.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Созвездие в Южном полушарии.
2. Насекомое.
3. Дерево.
5. Число.
7. Дипломатическое обращение одного правительства к другому.
9. Игра.
10. Рабочий скот.
11. Река в СССР.
12. Боевая единица мотомеханизированных войск.
14. Приток Вислы.
15. Приток Волги.
17. Боковая поверхность корпуса судна.
18. Спиртной напиток.
19. Грузоподъемное приспособление.
20. Французский писатель.
21. Затвердевший слой снега.
22. Линейная мера.
23. Единица измерения электрического сопротивления.
24. Местоимение.
27. Большой осколок каменной породы.
28. Центральная площадь в древнегреческих городах. место народных собраний.
29. Площадка для цирковых выступлений.
30. Отложения на дне водоемов.
32. Сорт яблок.
33. Транспортная магистраль в городах.
34. Цветок.
35. Песчаный нанос в устьях рек при впадении в море.
36. Подводный камень.
37. Часть молекулы.
38. Международное обозначение юга.
42. Водяное растение.
44. Упаковка товара.
45. Здание, в котором выставляются для осмотра и опознания трупы.
46. Газ.
47. Приток Рейна.
48. Кредитное предприятие.
49. Река в Западной Европе.
51. Буква греческого алфавита.
52. Часть корабля.
54. Фигура в шахматах.
56. Спиртной напиток.
57. Литературное произведение.
58. Остров в Балтийском море.
59. Амбарный клещ.
61. Созвездие.
62. Порода попугаев.
65. Заостренный шест.
66. Химический элемент.
68. Неволя, бремя.
69. Река в западной части СССР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 7—8 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

8. Никий. 9. Жакерия. 10. Канны. 15. Вето. 16. Агора. 17. «Искра». 18. Идея. 19. Катон. 22. Каморра. 26. Ришелье. 28. Нобилитет. 29. Эрн. 32. Ури. 34. Молох. 37. Легат. 39. Шипка. 41. Таборит. 42. Низам. 43. Грей. 44. Вече. 45. Лерма. 46. Цицерон. 47. Рента. 48. Мопу. 49. Того. 50. Тамга. 52. Камерир. 54. Нарва. 56. Бекет. 57. Панин. 58. Хан. 61. Ней. 64. Капитолий. 67. Ландтаг. 68. Кортесы. 70. Парии. 74. Ценз. 76. Альба. 77. Орест. 78. «Фрам». 79. Ампир. 80. Кольбер. 81. Свевы.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Гизо. 2. Пизарро. 3. Канак. 4. Сенат. 5. Минин. 6. Паладин. 7. Инки. 11. Седан. 12. Дож. 13. Акт. 14. Кельт. 20. Апис. 21. Один. 23. Оброк. 24. Ворот. 25. Дебет. 27. Евреи. 30. Робеспьер. 31. Македония. 33. Либерал. 35. Халифат. 36. Соверен. 37. Линотип. 38. Застава. 40. Агама. 42. Нерон. 51. Гранд. 52. Кенаф. 53. Разин. 55. Адепт. 59. Тира. 60. Тори. 62. Бабеф. 63. Палатин. 65. Полтава. 66. Устав. 69. Лье. 70. Паром. 71. Рельс. 72. Иомен. 73. Цех. 75. Зама. 78. Фивы.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР И. ШАМОРИКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) «ПРАВДА»

Адрес редакции: Москва, 6, Страстной бульвар, 11. Тел. К 2-96-12, К 4-28-45.

Непринятые рукописи и кроссворды не возвращаются.

Оформление **И. Уразова.** Стат. формат 275 × 360 мм ⅛ доля, 1½ бум. листа. Техредактор **А. Котельникова.**

Уполн. Главлита А—26145. Изд. № 317. 3 п. л. Знаков в п. л. 105 000. Сдано в набор 5/III 1940 г. Подп. к печати 26/III 1940 г. Заказ № 884. Тираж 300 000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОВЕТ ОСОАВИАХИМА СССР

с 15 апреля по 15 июля 1940 года

ПРОВОДИТ 14-ю ВСЕСОЮЗНУЮ ЛОТЕРЕЮ ОСОАВИАХИМА

СРЕДСТВА ОТ РЕАЛИЗАЦИИ ЛОТЕРЕИ ПОСТУПАЮТ НА УКРЕПЛЕНИЕ ОБОРОННОЙ РАБОТЫ ОСОАВИАХИМА

СТОИМОСТЬ БИЛЕТА 1 рубль, 3 рубля и 5 рублей

ПО 14-й ЛОТЕРЕЕ БУДЕТ РАЗЫГРАНО 410500 ВЫИГРЫШЕЙ НА ОБЩУЮ СУММУ 25001325 рублей

СТОИМОСТЬ ВЫИГРЫША

ПО РУБЛЕВЫМ БИЛЕТАМ от 20 руб. до 3500 руб. включительно

СТОИМОСТЬ ВЫИГРЫША

ПО ТРЕХРУБЛЕВЫМ БИЛЕТАМ от 60 руб. до 10000 руб. включительно

СТОИМОСТЬ ВЫИГРЫША

ПО ПЯТИРУБЛЕВЫМ БИЛЕТАМ от 100 руб. до 27000 руб. включительно

В ЧИСЛЕ ВЫИГРЫШЕЙ ИМЕЮТСЯ:

4	ЛЕГКОВЫХ АВТОМОБИЛЯ «ЗИС-101»	стоимостью	по	27 000	рублей
18	ЛЕГКОВЫХ АВТОМОБИЛЕЙ «М-1» .	»	по	10 000	»
35	МОТОЦИКЛОВ С КОЛЯСКАМИ . . .	»	по	8 000	»
40	МОТОЦИКЛОВ БЕЗ КОЛЯСОК . . .	»	по	3 500	»
49	ПИАНИНО	»	по	2 500	»
59	ПУТЕШЕСТВИЙ ПО СССР	»	по	1 475	»
132	РУЖЬЯ ДВУХСТВОЛЬНЫХ	»	по	1 000	»
165	ФОТОАППАРАТОВ «ФЭД»	»	по	650	»
372	ВЕЛОСИПЕДА	»	по	500	»
342	ПАТЕФОНА С ПЛАСТИНКАМИ . . .	»	по	450	»
56	РАДИОПРИЕМНИКОВ	»	по	400	»
125	ЧАСОВ КАРМАННЫХ	»	по	280	»
90	ШВЕЙНЫХ РУЧНЫХ МАШИН . . .	»	по	200	»

а также большое количество СПОРТИНВЕНТАРЯ, ПОРТФЕЛЕЙ, ДАМСКИХ СУМОК, ГОТОВАЛЕН, МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ и ряд других ценных выигрышей.

ПОДРОБНОЕ РАСПИСАНИЕ ВЫИГРЫШЕЙ УКАЗАНО НА ОБОРОТЕ КАЖДОГО БИЛЕТА 14-й ЛОТЕРЕИ

НАТУРАЛЬНЫЕ ВЫИГРЫШИ ПО ЖЕЛАНИЮ ВЫИГРАВШЕГО МОГУТ БЫТЬ ЗАМЕНЕНЫ ДЕНЬГАМИ

БИЛЕТЫ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ ВО ВСЕХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ОСОАВИАХИМА

ПО БИЛЕТАМ 12-й и 13-й лотереи Осоавиахима ПРОДОЛЖАЕТСЯ ОПЛАТА ВЫИГРЫШЕЙ

ТАБЛИЦЫ ВЫИГРЫШЕЙ имеются ВО ВСЕХ СБЕРКАССАХ и ОРГАНИЗАЦИЯХ ОСОАВИАХИМА

ТРУДЯЩИЕСЯ! ПРИОБРЕТАЙТЕ БИЛЕТЫ 14-й ВСЕСОЮЗНОЙ ЛОТЕРЕИ ОСОАВИАХИМА! КРЕПИТЕ ОБОРОНУ СССР!

ЦС ОСОАВИАХИМА СССР

Огонек

Цена 50 коп.

Читайте,
завидуйте,
я —
гражданин
Советского Союза.